

КОРОЛЕВА
исторического романа

*Анастасия
Журанова*

Дама
ПОЛУСВЕТА

Анастасия Туманова
Дама полусвета
Серия «Королева
исторического романа»
Серия «Сёстры Грешневы», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8333403
Анастасия Туманова. Дама полусвета: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-73894-6

Аннотация

Анна Грешнева уверена, что ей никогда не избавиться от тягостной участи дамы полусвета и никогда не быть рядом с тем, кого она любит. Софья, ее сестра, тоже не считает себя вправе открыть свое сердце Владимиру Черменскому – купеческие содержанки не становятся дворянскими женами. И лишь Катерина пренебрегает условностями, живет так, как подсказывает душа, и – счастлива. Придет ли время, когда старшие сестры поймут, что это и есть единственно верный путь? Роман ранее выходил под названием «*Душа просится к тебе*».

Анастасия Туманова

Дама полусвета

Ранним утром 12 октября 1882 года с поезда, прибывшего из Смоленска на Варшавский вокзал в Москве, сошел молодой человек лет тридцати. Широкий разворот его плеч и выправка выдавали военного, хотя мужчина был в штатском пальто и фуражке, какие носили деревенские помещики. С загорелого лица смотрели спокойные серые глаза. Молодой человек пересек еще темную привокзальную площадь, подошел к стоящим возле тротуара извозчичьим пролеткам, сел в одну из них и негромко приказал извозчику:

– На Хитров.

– Ку... куда, барин?! – Извозчик круто повернулся и изумленно уставился на седока.

– На Хитров рынок. Угол Солянки и...

– Да уж знаем мы, где Хитров-то, не первый год по Москве ездим! – обиделся извозчик. – А пошто вам туда-то? Ведь самое гиблое место воровское. Туда и днем-то нос казать приличному человеку незачем! Разденут-разуют и в чем мать родила по улице пустют! И это ишшо повезет ежели, а не то...

– Спасибо, что предупредил. А теперь, будь любезен, трогай, я тороплюсь.

Извозчик пожал плечами, снова покосился на странного

седока и хлестнул лошаденку вожжами.

Доехали быстро: темные улицы утреннего города были еще пусты. В этом году рано настали осенние холода, снег пока не выпал, но земля уже промерзла. По тротуарам сухо шуршали последние облетевшие с деревьев листья, низкое сумеречное небо, казалось, лежало прямо на крышах домов. На углу Спасоглинищевского переуллка извозчик остановил свою лошадку.

– Дальше, хоть режьте, не поеду!

– И не надо, – спокойно ответил молодой человек, ловко выпрыгивая из пролетки и протягивая извозчику двугривенный. – Если не в тягость, подожди меня тут, через час я вернусь, и поедем дальше.

– Ой ли, вернетесь? – хмыкнул извозчик.

Молодой человек усмехнулся:

– Бог не выдаст, свинья не съест. Подожди, мне не хочется после тратить время и искать другой экипаж.

Извозчик, подумав, кивнул и еще долго провожал глазами высокую широкоплечую фигуру, исчезающую в густом тумане Хитровки.

Это было действительно самое опасное место Москвы. На Хитровом рынке находились воровские притоны, нищенские ночлежки, публичные дома низкого пошиба, по узким, заваленным грязью и нечистотами улицам болтались нищие, проститутки и грязные, оборванные дети. В подвалах продавали самодельную водку, скупали краденое, тут же пере-

шивали ворованные вещи, чтобы выгодно сбыть их с рук, в кабаках «Пересыльный» и «Сибирь» прятались беглые каторжники. Простые горожане, естественно, старались обходить это страшное место за несколько кварталов.

Извозчик честно подождал час, опасливо поглядывая по сторонам и переругиваясь со шмыгающими поблизости нищими. Когда закончили бить часы с недалекой Сухаревой башни, вздохнул, перекрестился, пробормотал: «Ну, как есть зарезали дурака...» – и уже взялся за вожжи, собираясь разворачивать лошадь, как услышал знакомый голос:

– Вот молодец, дождался! Я немного задержался, так что спасибо!

– Ба-а-арин... – растерянно протянул извозчик, увидев приближающегося к нему недавнего пассажира. – Охти мне, живой...

– Как видишь, – подтвердил тот, запрыгивая в пролетку. К этому времени уже совсем рассвело, и извозчик заметил, что рукав пальто странного господина основательно измазан в грязи.

– Пальтишко запачкать изволили, – сказал он.

– Пустяки, а вот что с этим делать? – Молодой человек поднял руку, и извозчик увидел, что серая ткань пальто и борт сюртука под ним чисто и ровно разрезаны, будто хирургическим скальпелем.

– Это что за жиган постарался?..

– Степка Жареный не узнал меня с перепоя. Хорошо еще,

что прошло скользком, – усмехнулся седок. – Подлец, мне ведь еще целый день ездить в таком виде по Москве... Ладно, здесь ничего... Поехали на Грачевку.

Некоторое время извозчик молча нахлестывал лошадь. Затем, не выдержав, спросил:

– А вы кто ж такой будете, ваша милость? Не из фартовых ли сами-то?

– Нет, – спокойно ответил седок. – Я из Смоленска, тамошний помещик.

– А звать вас как?

– Владимиром Дмитричем. А тебя?

– Меня Мишкой можете звать. В Грачевке вам кого надобно?

– Для начала мадам Голосовкер. Кстати, Михайло, можно ли тебя ангажировать на весь день? Мне еще много куда надо заехать...

– С превеликим нашим удовольствием, Владимир Дмитрич! – радостно отозвался извозчик. – С ветерком покатаю! Вся моя время ваша!

На Грачевке Владимир пропадал дольше. Мишка ждал его на Трубной площади целых два часа, от скуки перекидываясь шутками с сонными жрицами любви, возвращающимися после ночных трудов в свои комнатенки. Здесь было главное средоточие московских домов свиданий, улицы и переулки кишели столичными «мессалинами», их «котами» и «мадами».

Наконец Владимир появился в сопровождении целого букета разновозрастных проституток, которые что-то наперебой втолковывали ему, а он внимательно слушал и, как показалось извозчику, хмурился. Наконец девицы отстали, и молодой человек снова вскочил в пролетку.

– На Сухаревку!

Вокруг Сухаревой башни раскинулся бойкий толкучий рынок. Тут продавали всевозможное барахло, начиная от перелицованных штанов и заканчивая антикварными вазами и рукописными книгами пятнадцатого века. Было уже довольнолюдно, между рядами кучками бродил народ, раздвигали толпу торговли сбитнем и пирогами, сновали мальчишки, вертелись карманники, и Мишка на всякий случай предупредил:

– Вы осторожней бы, Владим Дмитрич, тута народ бедовый, на ходу подметки режут... Оставили бы мне портмонет, а то не дай бог...

– Не беспокойся! – Владимир соскочил с пролетки, ввинтился в пеструю гомонящую толпу и исчез. Вернулся через полтора часа, помрачневший.

– Едем к Бубнову.

– Да вы б сказали, кого ищите, ваша милость, а? Может, я и знаю...

– Наверяд ли, брат. Трогай.

Они побывали в бубновской «дыре» в Ветошном переулке, где в подвальном помещении днем и ночью шла круп-

ная игра, заехали на Таганку, в лавки торговцев краденым, добрались до Грузин, где на цыганской улочке Живодерке Владимир долго расспрашивал барышников – к восхищению Мишки, на их языке, – потом зачем-то отправились на Конный рынок... И отовсюду странный господин возвращался целым и невредимым, но извозчик видел, что настроение его портится больше и больше. Уже поздним вечером, в полной темноте, Владимир вышел из самого лучшего московского дома свиданий на Сретенке и отрывисто, устало бросил:

– К дому графини Грешневой, в Столешников.

«Ого!» – мысленно перекрестился Мишка, но говорить ничего не стал. На Сретенке, ожидая седока, он успел напоить сивку из «басейни», и немного отдохнувшая лошадка бежала споро и охотно.

Дом графини Грешневой в Столешниковом переулке сиял всеми окнами: у хозяйки был вечер. Спрыгнув на землю у ворот, Владимир взглянул на извозчика:

– Что ж, Михайло, прощай на этом. Вот тебе рубль... и еще один... В расчете?

– Дозвольте еще обождать?

– Нет, брат, на этом все. Спасибо тебе.

– Зря проездили, ваша милость? – пряча за пазуху деньги, спросил извозчик. – Не нашли, кого хотели?

– Нет, – помолчав, ответил Владимир. – Что ж... будем надеяться, еще повезет.

– Ежели занадоблюсь – так у вокзала завсегда меня сыще-

те! Очень приятно с вами дело иметь было!

– И мне с тобой также. Будь здоров. – Владимир подошел к запертой калитке, стукнул в нее, сказал несколько негромких слов отворившему дворнику и, махнув на прощание рукой извозчику, исчез в темном дворе. Мишка вздохнул и хлестнул сивку.

Войдя во двор, Владимир не пошел к освещенному голубыми фонарями парадному, а свернул на узкую, едва заметную, засыпанную палым листом дорожку, ведущую к черному ходу. Толкнув низкую дверь, молодой человек пересек темные сени и очутился на кухне графини Грешневой, где плавали облака пара, пахло пирогами и гремели котелки.

– Здравствуй, Фекла! Бог в помощь! – поздоровался пришедший.

Кухарка – еще молодая баба с плотно сбитой фигурой в заляпанной суконной юбке и распахнутой на груди нанковой рубахе – тяжело бухнула на стол исходящую паром кастрюлю и, вытирая запястьем пот с лица, сощурившись, глянула на гостя. И тут же ее красное, лоснящееся, щекастое лицо расплылось в улыбке:

– Ой! Никак господин Черменский? Владимир Дмитрич пожаловали?! Ой, и сколько ж вас не было-то?! С весны, поди, не показывались? И не совестно так долго не захаживать?

– Дела, Фекла... Я ненадолго. Вижу, вижу, что тебе не до меня. Мне только надобно спросить...

Но Фекла снова перебила его:

– А Северьян Дмитрич где ж? Или вы его на улице оставили?

По лицу Владимира пробежала тень. Кухарка заметила это и растерянно всплеснула руками:

– Неужто вы без него нонеча? Вот первый раз такое вижу!

– Да, Фекла... – вздохнул Владимир. – Я, собственно, потому и пришел, думал – может, он у тебя.

– Ка-а-ак же... – расстроено протянула кухарка. – Уж давным-давно своим вниманьем не радовали... Как и вас, с весны не видела. Так что же, ушѐдши они от вас? Вот уж ни в жисть бы не подумала...

– И я тоже, – невесело усмехнулся Владимир. Фекла покачала головой и собралась было еще что-то сказать, но в это время, скрипнув, открылась дверь.

– Фекла, ну сколько же можно, почему не подают... – мягкий и спокойный голос вдруг оборвался на полуслове. На пороге кухни стояла графиня Анна Грешнева, молодая женщина двадцати шести лет.

Владимир невольно шагнул к дверям, в тень, но хозяйка, заметив это движение, повернулась... и всплеснула руками:

– Господин Черменский? Володя? Владимир Дмитрич?! Боже правый, какими судьбами?! Сколько лет, сколько зим?!

– Всего лишь полгода, Анна Николаевна, – сдержанно ответил Черменский, выходя из темноты и целуя протянутую руку хозяйки дома. – Право, у меня в мыслях не было вас беспокоить, но...

– Да как же вам не совестно, Владимир Дмитрич?! – возмутилась графиня. – Моя кухарка, оказывается, имеет больше прав на ваше внимание, чем я... Вы в Москве! И не зашли! Да это же с вашей стороны просто... Я слов не нахожу для оценки такого поведения!

– Анна Николаевна, слово чести, я не рассчитывал... – Черменский был непритворно смущен. – У вас ведь гости, а к Фекле я по делу...

– Ну и что?! Вы, мой старый знакомый, мой друг, мой... Тем более что уже почти никого и не осталось, все разъехались! Владимир, клянусь, если вы сейчас уйдете, я прерву наше знакомство и откажу вам от дома! Раз и навсегда!

– Помилосердствуйте... Я иду. Фекла, сделай милость, сунь куда-нибудь... – Черменский протянул кухарке пальто. Фекла машинально приняла его, вздохнула, всхлипнула, вытерла нос разрезанным рукавом и деловито вытащила из воротника своей рубашки вколотую в него иголку с ниткой.

В этот вечер графиня Грешнева, «московская Нинон де Ланкло», как всегда, устраивала приемный вторник, и большая гостиная с диванами и креслами из зеленого бархата была полна мужчин из самых известных семей Москвы и Петербурга. Дамы из тех же семей здесь не появлялись никогда. Графиня Анна Грешнева, несмотря на свой действительный титул и фамилию, записанную в Дворянской книге, не была принята в свете. Очень темной оказалась история ее семьи, очень загадочной – смерть родителей, блестящего ге-

нерала Грешнева и пленной черкешенки, с которой генерал не был обвенчан, хотя они прожили вместе двенадцать лет. Впрочем, рожденных черкешенкой детей – сына и трех дочерей – генерал признал законными, дал им свое имя и титул, успел определить старшую дочь Анну в Смольный институт, а сына – в Пажеский корпус в Петербурге. Но несколько лет спустя генерала нашли зарезанным в собственной спальне, а еще через два дня из реки выловили тело его невенчаной жены. Все сошлись на том, что черкешенка, за двенадцать лет жизни с Грешневым так и не смирившаяся со своей долей, зарезала мужа и утопилась сама.

Огромным имением, состоянием и осиротевшими детьми занялся опекун, дальний родственник семьи. В Москве поговаривали, что именно он и обесчестил старшую девицу Грешневу, едва та покинула стены Смольного. После смерти старика опекуна Анна стала официальной содержанкой его сына. Вместе с Петром Ахичевским она показывалась в театре, кафешантанах, ресторанах, эту блестящую и красивую пару знала вся Москва, мужчины откровенно завидовали, женщины втихомолку негодовали. На деньги любовника Анна кое-как содержала приходящее в упадок имение и сестер, тогда еще совсем девочек. Брат Сергей, отставной армейский капитан, напропалую играл, пил с мужиками в кабаке водку и ни о чем не хотел думать. За несколько лет приданое младших сестер было пущено по ветру, имение разорилось, девочки Грешневы бегали в рваных платьях, сами шили бе-

лье на продажу, копались в огороде, бродили по окрестным лесам в поисках грибов и ягод и готовились идти в монастырь: без денег, без приданого, с сестрицей-куртизанкой о приличной партии не стоило и мечтать.

Четыре года назад грянула беда: родовой дом Грешневых под Юхновом сгорел. В пожаре погиб Сергей. Сразу стало известно, что это младшая из сестер, Катерина, заперла пьяного брата в доме и сама подожгла имение. В тот же день средняя сестра, Софья, исчезла из Грешневки. Ходили слухи, что накануне своей гибели Сергей продал родную сестру проезжему купцу за несколько тысяч в уплату карточного долга, и та, помешавшись от отчаяния, утопилась в Угре. Катерина отомстила за Софью, заживо спалив пьяного брата. По Москве ходили домыслы и рассказы один другого страшнее. Они возобновились с новой силой несколько месяцев спустя, когда пятнадцатилетняя Катерина Грешнева сбежала из приюта, куда ее из уважения к покойному отцу-генералу поместили вместо тюрьмы, со значительной суммой казенных денег. Больше о девушке никто ничего не слышал.

Той же весной Анна рассталась со своим любовником: того ждала выгодная женитьба. А через несколько месяцев в Москве вошли в моду вторники графини Грешневой, на которые приглашались одни мужчины. На этих вечерах присутствовали «кузины» хозяйки: юные хорошенькие девушки, способные поддержать светскую беседу, понимающие

по-французски, умевшие сыграть на рояле или гитаре, спеть и украсить таким образом мужское общество. Девушек оказывалось неизменно шесть, но состав очаровательной группы постоянно менялся: спрос на «кузин» графини Грешневой в столице был колоссальным, девицы уходили из дома Анны в содержанки, в камелии, а двоим даже удалось сделать блестящие партии, выйдя замуж за границу. Для того чтобы забрать «кузину» из дома Грешневой, требовалось согласие самой барышни, разрешение хозяйки и значительная сумма денег, раздобыть которую мог далеко не каждый. Откуда брались столь очаровательные девушки у графини, никто не знал: доверенного лица Анна Грешнева не имела. Также не было у нее и официального любовника, хотя добивались этой чести многие: графине исполнилось всего двадцать шесть, она была красива, умна и свободна.

Когда хозяйка и Черменский вошли в гостиную, часы показывали уже за полночь. Шум поутих, почти все гости распрощались и уехали, девушки тоже исчезли, в зеленой гостиной остались лишь двое мужчин, которые, устроившись в диванном уголке с бокалами вина, вели негромкий разговор.

– Вот, господа, позвольте вам представить моего доброго знакомого... – начала Анна.

Один из мужчин, брюнет кавказского типа, довольно некрасивый, но с отличным сложением, которое подчеркивалось формой гвардейского полковника, вскочил с кресла так стремительно, что чуть было не опрокинул его. Сидящий

напротив немолодой грузный человек в мундире тайного советника посмотрел на кавказца с удивлением, но промолчал.

– Вах! Черменский, это ты? Это... вы?!

– Сандро?.. – недоуменно переспросил Владимир. – Газданов?.. Ба-а-а... Но какого же черта... Простите, графиня...

– Вах, сколько лет, сколько зим!!! – Газданов коршуном налетел на Черменского, и тому оставалось лишь ответить на эти страстные объятия. Впрочем, оба моментально пришли в себя, повернулись к смеющейся графине, в унисон щелкнули каблуками и хором заявили:

– Пардон, ваше сиятельство!

– Я вам не сиятельство, господа, а Анна Николаевна, сколько раз повторять! – шутливо заметила она. – Но как это неожиданно... Стало быть, вы знакомы?

– Одного года выпуска в Александровском военном! После окончания потеряли друг друга из виду, но...

– И я также знаком с господином Черменским, – вдруг густым басом вступил в разговор тайный советник, и все невольно повернулись к нему. – Встречались в этой гостиной несколько лет назад и имели интересные беседы.

– Да, я помню, ваше превосходительство. – Черменский довольно сдержанно поклонился тайному советнику. – В самом деле было увлекательно обсуждать с вами последнюю военную кампанию. Так, значит...

– Господа, я вас оставлю ненадолго, – вдруг сказала Ан-

на. – Сейчас прикажу подать шампанского, и вы выпьете за неожиданную встречу! Максим Модестович, вам, вероятно, коньяк?

– С вашего позволения, бордо. Надобно помнить о своих годах.

С улыбкой кивнув, Анна вышла. В коридоре, подозревая горничную, она тихо, торопливо произнесла:

– Даша, немедленно одевайся и беги в театр.

– К Софье Николаевне изволите посылать?

– Именно. И как можно скорей.

В Большом Императорском театре в этот вечер давали «Рогнеду». Уже подходило к концу пятое действие, за сценой отчетливо слышался гул колокола, сзывающего киевское вече, баритон Заремина, исполняющего партию Князя, и неподражаемое меццо-сопрано Нежиной, поющей Рогнеду. В кулисах толпились хористы и «вторые роли», от запахов пота, пудры и пыли было трудно дышать, и Софья Грешнева, исполнившая в спектакле крошечную партию Мальфриды, незаметно прошла в свою уборную.

Грешнева делила ее с двумя другими солистками, однако сейчас там оказалось пусто: девушки убежали слушать Нежину. Та действительно была великолепна в партии Рогнеды и именно поэтому выбрала ее для своего бенефиса, но у Софьи отчаянно болела голова, к тому же молодую женщину не покидала мысль, что она плохо пела сегодня. В общем,

слушать Рогнеду не хотелось.

Войдя в уборную, Софья сразу села на стул у круглого, грязного от следов грима зеркала. Вспомнив о том, что ей больше не нужно выходить сегодня на сцену, она стянула с головы белокурый парик и с наслаждением встряхнула обеими руками волосы. Спутанные темно-каштановые кудри ринулись вниз по плечам и спине, упав почти до пола. Софья небрежно заплела косу, отбросила ее назад, приблизила к зеркалу лицо, покрытое толстым слоем грима, взяла комок корпии и решительно начала стирать пудру. Затем отошла к раковине, чтобы сполоснуть лицо, которое без пудры оказалось смуглым, как у южанки, и зеленые, словно болотная осока, глаза еще ярче заблестели на нем. Софья слабо улыбнулась, подумав о том, что бесконечная, в пяти действиях, «Рогнеда» заканчивается, можно уже ехать домой. Завтра у нее нет ни репетиций, ни спектакля, и дома она свалится в постель и будет спать, спать, спать...

Скрипнула дверь уборной. Софья обернулась – и, помолчав, со вздохом пригласила:

– Входи-входи, я уже отпелась... Почему ты здесь?

– Говорил же, что зайду, быть может. Отъезжать мне ночью-то. Забыла? – послышался низкий, хрипловатый, слегка обиженный голос.

В узкую дверь, зацепившись плечом за косяк и едва не стукнувшись головой о притолоку, вошел костромской купец первой гильдии Федор Мартемьянов.

Мартемьянову исполнилось тридцать шесть лет. Он был некрасив, лицо его, темное, грубое, казалось наспех вырубленным из соснового полена, из-под мохнатых бровей прямо и упорно смотрели черные, без блеска, очень неглупые глаза, в огромной кряжистой фигуре чудилось что-то медвежье. По Костроме до сих пор ходили слухи о лихой, разбойничьей молодости Федора, и он их не пресекал, поскольку не видел смысла спорить с истиной.

– Садись, – вздохнув, предложила Софья.

Мартемьянов с сомнением посмотрел на хлипкий стул на рахитичных ножках возле трюмо и мотнул головой.

– Нет, Соня, я ненадолго. Хотел забрать тебя, извозчик у подъезда.

Дверь скрипнула снова, и в уборную, внеся с собой запах пота и духов «Пармская фиалка», вбежала сопрано на вторых ролях Ниночка Дальская – худенькая блондинка, певшая сегодня Мамушку.

– Сонечка, сейчас последний акт кончается, ты разве не пойдешь послушать... Ах, прости, ты не одна! Извини, мне через минуту на сцену, нужно привести себя в порядок, вообрази, что я статуя, извините, Федор Пантелеевич! – выпалив это все на одном дыхании, Ниночка плюхнулась на стул перед своим зеркалом и ожесточенно начала размазывать по лицу белила. Мартемьянов заинтересованно наблюдал за ее действиями до тех пор, пока Софья не дернула его за рукав.

– Федор!

– Ну да, – спохватился он, поспешно отворачиваясь. – Со-
ня, так едем, что ли? У меня всего два часа осталось, ночью
уж в поезде сидеть должен буду, дела...

– Федор, но куда же я поеду?! – с чуть заметной досадой
ответила Софья. – Ты ведь видишь, опера еще не закончена,
последний акт только начался, я не могу бросить все и ука-
тить, я тут на жалованье!

– Сама ж говорила, что отпелась на сегодня, – нахмурился
Мартемьянов.

На мгновение Софья пришла в замешательство, но тут же
нашлась:

– Но я ведь должна дослушать все до конца! Пойми, Фе-
дор Пантелеевич, мне как певице это важно, мне, возможно,
петь Рогнеду в нынешнем сезоне, а сегодня на сцене сама
Нежина, когда у меня еще будет такой случай?..

В зеркале напротив она увидела смеющееся лицо Ниноч-
ки и слегка сдвинула брови. Та молча кивнула и зажала рот
ладонью, но плечи ее тряслись.

– Остаешься, то есть? – Мартемьянов тоже покосился на
Ниночку, на минуту задумался, но затем все же шагнул к Со-
фье. Она сидела неподвижно, не оборачиваясь к нему. Мар-
темьянов взял в руки полураспушенную каштановую косу,
прикоснулся пальцем к длинной смуглой шее с мягкой впа-
динкой у ключицы.

– Федор, Христа ради, мы не одни... – с уже неприкрытой
досадой сказала Софья.

– Соня, я ведь нескоро ворочусь-то. К Николе зимнему, и то как бог расположит...

– Я знаю.

– Что ж, и не простимся?

– Отчего же? Ведь ты здесь. Простимся сейчас, и поезжай с богом. Я уверена, что дома Марфа тебе все соберет и уложит как надо.

– Да уж уложено с утра.

– Так в чем же дело? Прощай. – Софья встала, повернулась к нему. Мартемьянов молча, упорно смотрел в ее глаза.

– Что ж, добро, – наконец спокойно произнес он и, не оборачиваясь, вышел из уборной. Закрылась дверь, тяжелые шаги стихли. Софья, вздохнув, обессиленно опустилась на стул, провела ладонью по лицу – и вздрогнула от неожиданности, услышав мелкий, залиvistый смех Ниночки.

– Сонечка... уй... прости, ради бога, ха-ха-ха... Но с какой же стати ты собралась в этом сезоне петь Рогнеду?! Во-первых, с Нежиной будет удар... Во-вторых, у тебя же лирическое сопрано, а не меццо... Ты ведь не собираешься сажать голос на нижние регистры, с твоим-то неземным бельканто! И ради чего?!

– Нина, бог с тобой, какая Рогнеда! – сердито отозвалась Софья. – Уж кто-кто, а ты должна была понять...

– О, прости, я все поняла! Ты просто хотела избавиться... – Ниночка перестала смеяться и внимательно, с нескрываемым удивлением посмотрела на Софью. Та не замечала

этого взгляда, сердито расчесывая растрепанную Мартемьяновым косу. Ниночка вздохнула, переставила на столике баночки с белилами, зачем-то взбила пушистые кудряшки над лбом, показала себе в зеркале язык... и не выдержала:

– Соня, ты меня прости, пожалуйста, я знаю, что меня это ни в какой мере не касается, но... Ты просто очень глупо себя ведешь! Извини, что я так прямо говорю, но...

Софья устало взглянула на нее через плечо:

– Глупо?..

– Да, и весьма! Ты же актриса! Ты знаешь о нашем несносном, ужасном положении! Сегодня ты прима или, по крайней мере, на вторых ролях, имеешь жалованье, на которое, между прочим, уважающей себя женщине и трех дней не прожить... а завтра ты, тьфу-тьфу-тьфу, теряешь голос: конец ангажементу, конец пению – и что?!

– Все под богом ходим, – пожала Софья плечами. – Мало ли таких случаев...

– К сожалению, много, очень много! И уж если господь тебе послал *такого* человека – стоит ли с подобным небрежением... Ведь я, прости, видела, как он на тебя смотрел! Ходят сплетни, что Мартемьянов готов на тебе жениться! А ты не дала даже поцеловать себя!

– Вернется из своей Костромы – нацелуется вдосталь.

– Соня, это опрометчиво, поверь мне, – со вздохом сказала Ниночка. – Солидные и нежадные люди на дорогах не валяются. Уж я-то знаю, что говорю, у меня свой скупердяй

имеется, метрдотель из гостиницы «Империял». Не то что денег – пирожных к празднику не допросишься, а уж твой купец на тебя не жалеет, и ты могла бы...

К великому облегчению Софьи, снова послышался стук в дверь.

– Мадмазель Грешнева! Софья Николавна!

– Федотыч? – поспешно поднялась она. – Что случилось?

– Так что записка до вашей милости, – сообщил из-за двери бас служителя. – Вы уж примите, ежели в глиже, а коли нет, так я под дверкой оставлю.

– Я одета, давай сюда. – Софья быстро подошла к двери. – От кого, не знаешь?

– Передано, что от сестрицы вашей.

Записка была короткой: Анна срочно просила приехать. Недоумевая, Софья оделась, привела в порядок волосы, попрощалась с Дальской и вышла из уборной. Извозчика братья она не стала, пересекла пустую Триумфальную площадь, спустилась вниз по Тверской, свернула в Столешников переулок и через несколько минут уже была возле дома сестры.

– Как хотите, господа, а я уезжаю, – говорил тем временем князь Газданов. – И не удерживайте, Максим Модестович, надо же и совесть иметь! Вы с Черменским здесь – свои люди, старые друзья хозяйки, а я? Только сегодня был представлен – и уже нахально, как кузен из провинции, сижу до глубокой ночи! Все воспитанные люди давно откланялись...

– Поедемте вместе, Газданов, – предложил Черменский. – Сейчас выпьем бордо – и простимся. Мне тоже пора честь знать...

– А вас графиня просила задержаться, – невозмутимо напомнил ему тайный советник. – Вы так небрежны к ее просьбам?

Черменский взглянул на него.

– Откуда вам это может быть известно, ваше превосходительство?

– О, пардон, я не предполагал, что сие секрет, – пожал плечами тот.

Черменский отвернулся. Максим Модестович наблюдал за ним с самым серьезным видом, но в его темных узких глазах прыгали насмешливые искры. Действительному тайному советнику генералу Анциферову было далеко за пятьдесят, черты жесткого лица уже слегка расплылись, еще более старил его неровный шрам над левой бровью. Взгляд черных, блестящих глаз из-под тяжелых век был пристальным и неприятным. Газданов удивленно посмотрел в холодное лицо Черменского, в насмешливые глаза Анциферова, собрался о чем-то спросить, но, подумав, все же промолчал.

Хлопнула дверь, вбежала горничная.

– Барыня, Софья Николаевна приехали... – начала было она и тут же осеклась, увидев, что хозяйки нет в гостиной. Сразу же вслед за ней в комнату быстрыми шагами вошла средняя сестра Грешнева.

– Добрый вечер, господа, – с легкой заминкой сказала Софья. Было очевидно: она не знала о том, что у сестры гости. – Максим Модестович, здравствуйте... Владимир Дмитрич?... Вы снова в Москве?

Черменский поднялся, поклонился в ответ. То же самое, не покидая кресла, сделал генерал. Газданов молча переводил взгляд с одного на другого, ожидая, что его представят. В гостиной повисла неловкая тишина.

Первым спохватился генерал Анциферов:

– Добрый вечер, Софья Николаевна... Если уж быть совсем точным, то доброй ночи. Как видите, мы беспардоннейше засиделись у вашей сестры. Вы со спектакля?

– Да. Давали «Рогнеду».

– Когда же вы наконец позволите приехать и получить удовольствие, слушая вас?

– Максим Модестович, я не дирекция театра, а всего лишь сопрано на вторых ролях, – вежливо, но холодно ответила Софья. – Не в моей власти позволять или не позволять, билеты продаются в кассах... Аня, здравствуй, боже мой, я так устала, почему?..

Фразы Софья не закончила: появившаяся из соседней комнаты сестра быстро и ловко закрыла ей рот ладонью.

– Потому, что ты, душа моя, не появляешься третью неделю, а я скучаю, – с шутливой строгостью сказала она. – Я все понимаю – у тебя репетиции, спектакли, бенефисы... Но нельзя же и сестру забывать!

Софья посмотрела в лицо Анны. Чуть заметно, укоряюще покачала головой. Анна сделала вид, что не заметила этого, и подвела сестру к Газданову.

– Познакомься, Соня. Полковник Газданов Александр Ильич, служит в департаменте иностранных дел, дипломат, помощник министра. Александр Ильич – это моя сестра Софья Николаевна Грешнева, актриса, певица Императорского Большого театра.

– Весьма рад знакомству, – поклонился Газданов, но его черные глаза, вежливо задержавшись несколько мгновений на Софье, снова вернулись к хозяйке дома. Анциферов, заметив это, чуть заметно улыбнулся и прикрыл веки. Черменский смотрел в темное окно.

– Соня, ты споешь нам? – спросила Анна и, не дожидаясь согласия, подняла крышку фортепиано. – Ту прелестную вещь, которую ты учила месяц назад. Как же это... «День ли царит...»

Софья посмотрела на сестру изумленно и сердито. Ее смуглое лицо потемнело еще больше, губы плотно сжались. Казалось, она готова повернуться и выйти из комнаты. Мужчины переглянулись.

– Попросим же и мы, господа, – предложил Анциферов. – Видит бог, при нынешнем положении дел в департаменте в театр я выберусь нескоро... если вовсе выберусь. Да и вы, Александр Ильич, весьма заняты. Просим, Софья Николаевна! Да что же вы молчите, молодые люди?..

– Окажите милость, Софья Николаевна! – живо присоединился к Анциферову и Газданов, с недоумением глядя на Черменского. Тот продолжал смотреть в окно со странным, застывшим выражением на лице.

– Аня, как тебе не стыдно... – вполголоса произнесла Софья. Но сестра, опять будто не услышав, села за рояль и стала перебирать ноты.

– «День ли царит» у меня, к сожалению, куда-то запропал. Есть дуэт Ольги и Татьяны... Аида... Купава... Нет, не будем мучить мужчин оперой! Один романс – и все. На твой выбор.

– Изволь, – сухо проговорила Софья, подходя к инструменту. – В таком случае, «Элегия» Яковлева. И более ничего. Господа, прошу меня извинить, голос устал, я пела сегодня большой спектакль...

Анна тронула клавиши. Мягкая, грустная мелодия поплыла по комнате. Одновременно со вступлением в глубине дома чуть слышно забили часы. Стоящая в дверях горничная украдкой зевала, мелко крестя рот. Возле печи бесшумно умывался лапкой кот. Одна из свечей, вставленных в канделябр, плакала прозрачным воском, и ее неровный свет дрожал и метался на лице Софьи.

Когда, душа, стремилась ты погибнуть
иль любить,

Когда желанья и мечты в тебе теснились быть,
Когда еще я не пил слез из чаши бытия, —

Зачем тогда, в венке из роз, к теньям не отбыл я...

В гостиной наступила тишина. Анциферов, казалось, слушал со всем вниманием, чуть подавшись вперед и не сводя с певицы пристальных темных глаз. Газданов искренне наслаждался исполнением романса, на его некрасивом лице блуждала мечтательная улыбка. Взгляд Черменского по-прежнему был устремлен за окно. Анна из-за рояля несколько раз обеспокоенно посматривала на него, но Владимир не замечал этого.

– Господа, идет снег, – негромко сказал он, когда затихли последние ноты романса. Это было настолько невпопад, что Газданов чуть слышно выругался, а Анциферов усмехнулся, но тем не менее все находящиеся в комнате, включая певицу и аккомпаниаторшу, повернулись к окну.

Там действительно падал снег – первый в нынешнем году. Мягкие хлопья кружились в голубом клине света из окна, ложились на землю, пестрили темное небо. Все это происходило в полной тишине, и ночной пустой переулок казался полупризрачным, сказочным местом.

– Как красиво... – прошептала Софья, подойдя к окну. Почти сразу же поднялся и Черменский. Быстрыми шагами он перешел комнату и остановился за спиной Софьи. Та коротко взглянула на него через плечо. И сразу же отвернулась.

– Софья Николаевна... – помедлив, начал Черменский. И умолк, не закончив. Софья, казалось, не удивилась этому, не

обернулась. Некоторое время они вместе наблюдали за первым снегопадом, словно ничего, кроме медленного кружения хлопьев в темном квадрате окна, не было на свете. А затем Софья, слабо улыbnувшись, повернулась к гостям и объявила:

– Прошу простить меня, господа, но я в самом деле очень устала и покину вас. Максим Модестович... Александр Ильич... Владимир Дмитрич... Покойной ночи, господа.

Мужчины поочередно приложились к ее руке, и Софья вышла из комнаты.

Сразу же откланялись и гости. Проводив их, Анна вернулась в опустевшую гостиную и некоторое время стояла у окна, прислонившись лбом к ледяному стеклу, за которым мягко и безразлично падал снег. За ее спиной слышались усталые шаги и шуршание: горничная убирала комнату.

– Даша, не надо, оставь все как есть. Приберешь завтра, ступай спать. Я погашу свечи.

– Благодарствую, барыня... – горничная ушла.

Когда за ней закрылась дверь, графиня Грешнева дунула на язычки огня, и свечи, затрепетав, погасли. Осталась одна, и, взяв ее, Анна покинула гостиную.

Софья сидела в спальне, забравшись с ногами на большую кровать и обхватив руками подушку. Света не было, и Анна, войдя со свечой, сразу же заметила, что по лицу сестры ползут слезы.

– Соня...

– Аня, клянусь, это было в последний раз! – не дослушав, хрипло перебила Софья. – В последний раз я была у тебя, в последний раз остаюсь ночевать, и то, видит бог, лишь потому, что у меня просто сил нет бежать домой! Как тебе не стыдно издеваться надо мной?! Как ты можешь заниматься этим... сводничеством?!

– Не я над тобой, а ты над ним и над собой издеваешься! – вспыхнула и старшая сестра, с размаху ставя подсвечник на стол. Свеча накренилась, несколько капель воска упали на полированную поверхность столешницы, но ни Софья, ни Анна не заметили этого.

– Соня, ты не девочка! Ты взрослая женщина, уже многое успевшая повидать в жизни! Я тоже не слепа! Ты можешь говорить все, что угодно, но я прекрасно вижу – ты по-прежнему влюблена в Черменского! И он все еще любит тебя! Это становится видно сразу же, как только вы оказываетесь вдвоем!

– «По-прежнему»... «Все еще»... – с горечью перебила сестру Софья. – Аня, Аня, опомнись, это было и прошло!

– Ничего не было, дурочка! Ничего у вас не было! А значит, и проходить нечему!

– Ну вот, так еще лучше: ничего не было! – рассмеялась Софья сквозь слезы. – Тогда о чем же вести разговор?

– Соня, ты глупа! – с сердцем произнесла Анна, отворачиваясь.

– А ты... ты... ты просто злая! Зачем тебе нужно мучить меня, не понимаю!

– Затем, что я всегда хотела лишь твоего счастья! И мне тяжело смотреть, как ты тратишь свою жизнь, свои молодые годы, свою красоту на этого... этого...

– Выблядка ватажного атамана, – подсказала Софья.

– Совершенно верно!!! – Анна вдруг умолкла. Озадаченно посмотрела на сестру. – Это наша Марфа его так зовет?

– Нет. Он сам.

– Сам о себе? Твой Мартемьянов? – удивилась Анна. И замолчала надолго, глядя на то, как капает прозрачным воском на стол накренившаяся свеча. Ничего не говорила и Софья, украдкой вытирая бегущие по лицу слезы. За окном по-прежнему, мелькая в свете фонаря, падал снег.

– Господь с тобой, Соня... Прости меня. Видит бог, более я этого не сделаю. Клянусь, Черменский сегодня оказался здесь совершенно случайно! И я, конечно, сразу же послала за тобой...

– И напрасно!

– Вижу. – Анна тяжело вздохнула. – Что ж, будь по-твоему. Если ты не желаешь видеться с ним – это твое право.

– Благодарю, – глухо, с упреком сказала Софья. – Тебе понадобилось три года, чтобы это понять.

– Я и до сих пор не понимаю! – словно не заметив тона сестры, в сердцах продолжала Анна. – Не понимаю, что держит тебя возле Мартемьянова. Деньги? Только они, Соня?

Поверь, я... я уважаю такую причину. – Анна горько усмехнулась. – Мы слишком долго были нищими, чтобы пренебрегать... Помнишь, как вы с Катей бегали босыми по Грешневке? Как перешивали мои платья? Как откладывали каждую копейку, чтобы выплатить по закладным и купить дрова на зиму? Все крестьяне бывшие папенькины над нами смеялись...

– До сих пор порой вижу в сне, – перекрестившись, призналась Софья.

– Стало быть...

– Нет. То есть не только.

– Но ты же не влюблена в него! И не была никогда! Я даже вообразить себе не могу, чтобы ты... Да ты же боялась его смертельно, Соня! Ты ведь в реку кинулась, когда братец покойный тебя в карты проиграл! Ему, Мартемьянову, проиграл! Тебя!

Софья, вздрогнув, закрыла глаза. Права Аня: столько лет прошло, а все словно вчера было... Как она тогда решилась, как набралась духу?.. Слишком была молода, сейчас бы уже, верно, не сумела... Перед глазами беспощадно встал тот темный, осенний, дождливый вечер, когда она, семнадцатилетняя, ворвалась в деревенский кабак, чтобы увести оттуда пьяного брата. И навстречу ей поднялся из-за стола Федор Мартемьянов, проезжий купец, черный, взъерошенный, некрасивый, с шальными от выпитого глазами. Что он тогда говорил ей?.. Что Софья отвечала?.. Не вспомнить хоть убей,

слишком страшно и омерзительно было тогда. А наутро брат позвал ее и объявил, что она продана за пятнадцать тысяч в уплату карточного долга этому волжскому миллионщику. Она – дворянка, дочь генерала Грешнева, невинная девица. Было от чего кинуться в реку. И – она кинулась.

– Соня, что тогда с тобой было? – словно угадав мысли сестры, тихо спросила Анна. – Помрачение? Или в совершенном ясном здравии?..

– Наверное, помрачение, – медленно ответила Софья. – Видимо, это наша фамильная черта.

– От мамы?

– Да... Она же убила отца. Двенадцать лет с ним прожила – и зарезала без капли жалости. И после сама утопилась. Что это, как не помрачение? А Сергей? Играть в баккара на родную сестру – тоже, скажешь, с ясного ума? А Катя, наша Катя?!

– Ох, не напоминай... – Анна вздрогнула, перекрестилась.

– Запереть Сергея в доме и устроить пожар! Пусть даже в отместку за меня, она ведь еще не знала тогда, что меня спасли... И все же – брата, кровного брата сжечь заживо! После – обокрасть приют, сбежать! В Одессе связаться с бандитом, кражи, убийства, тюрьма! А где Катя сейчас?! – Софья вдруг осеклась. Тихо спросила: – Аня, где она сейчас?

– Не знаю. – Анна провела ладонью по лицу, вздохнула. – Право, Соня, не знаю. Она ушла тогда, в Одессе, прямо из кабинета следователя, ушла на улицу, и я... я не могла идти

за ней. Соня, если бы ты видела ее тогда, нашу Катю! Как она изменилась, какой стала взрослой и... совсем чужой. Я, мы, наша жизнь уже не интересовали ее нисколько. Она даже не простилась со мной уходя... хотя я сделала все, что могла, чтобы избавить ее от тюрьмы. Максим Модестович употребил свое влияние... Впрочем, я тебе уж сотню раз рассказывала об этом. И за три года – ни письма, ни весточки. Мы ей больше не нужны, Соня.

– Как страшно... – прошептала Софья, обхватывая плечи руками.

Анна опустила рядом с ней, обняла. Сестры долго сидели молча, прижавшись друг к дружке, перед ними на столе плакала догорающая свеча, а за окном все гуще и гуще, уже сплошной пеленой, летел снег.

– Аня, поклянись мне... Пообещай, что более не будешь устраивать мне свиданий с Черменским. Это слишком больно, слишком мучительно... Помнишь, как говорила Татьяна? «А счастье было так возможно, так близко...»

– Бедная моя, бедная... Ты так его любила...

– Оставь, Аня. Это судьба. Вернее – не судьба. Так уж вышло. Может, это вовсе была и не любовь.

– Но, Соня...

– Не будем больше об этом.

– Что ж... Тебе, верно, лучше знать. Правда, уже поздно. Покойной ночи. Я скоро вернусь, совсем забыла об одной мелочи... Спи, господь с тобой.

Перекрестив сестру, Анна вышла из комнаты и тихо прикрыла за собой дверь. Софья легла, но, провертевшись полчаса под одеялом, поняла, что сон ушел, и даже усталости, обычной после спектакля, уже не чувствовалось. Не хотелось даже плакать, пропало душившее ее час назад отчаяние, и Софья, вновь садясь на постели и глядя на падающий за окном снег, подумала: может, так и проходит любовь? Может быть, скоро в самом деле – всё?..

Владимир Черменский... Это он спас ее, когда она, потеряв рассудок от страха и отчаяния, кинулась с обрыва в черную, стлую воду Угры. Почему Владимир, потомственный дворянин и армейский капитан, вел бродяжнический образ жизни и как очутился среди приказчиков купца Мартемьянова, Софья тогда не знала. Черменский объяснил это семейными обстоятельствами и каким-то данным словом и в подробности вдаваться не стал.

Всю ночь Владимир и Софья проговорили, сидя у пылающего костра на берегу Угры. А наутро Софья ушла прочь, оставив на берегу реки свое платье: так посоветовал ей Черменский, чтобы обмануть Мартемьянова.

«Софья Николаевна, пусть он лучше думает, что вы утопились. Иначе он не отступится, я хорошо его знаю, поверьте».

Позже Софья поняла, что Владимир был прав в каждом слове. А тогда просто сделала так, как он посоветовал, и ушла из родного имения вместе с Марфой – верной дев-

кой семьи Грешневых. В кармане лежало рекомендательное письмо Черменского к его другу – антрепренеру провинциальной театральной труппы.

– Владимир Дмитрич, но как же я сумею... – ужасалась Софья. – Я вовсе не чувствую в себе способностей к драме... Я ведь даже в театре не была ни разу в жизни! Вы полагаете, сделаться актрисой так просто?!

– Проще, чем вы думаете, Софья Николаевна, – заверил тогда Черменский. – Вам – в особенности. У вас прекрасный голос, и вы очень красивы. Поверьте, этого достаточно. Сцена ждет вас.

Это был единственный комплимент, сказанный ей Владимиром. Комплимент, который можно было объяснить и простой вежливостью, и желанием подбодрить... но много-много дней спустя, уже играя в ярославской труппе, Софья все повторяла и повторяла его слова. Вспоминала загорелое лицо молодого человека, серые глаза, спокойный, уверенный голос, твердую, сильную руку, протянутую ей на прощание.

В то утро не было дано ни одного обещания. Не было сказано ни слова о любви. Расставаясь на пустой, затянутой туманом дороге, они даже не обернулись вслед друг другу. Но за всю осень и всю зиму не проходило дня, чтобы Софья не подумала о Черменском. Мысли эти, спокойные и ясные, доставляли радость, хотя Софья и была уверена, что больше они с Владимиром никогда не встретятся. Да, он сказал ей на прощанье, что найдет ее, но со слов сестры Софья знала, что

всерьез относиться к мужским обещаниям не следует никогда.

Она поступила в театр, где играла с успехом, которому удивлялась сама. Они с Марфой радовались тому, что наконец-то завелись хоть какие-то деньги, что не нужно бояться завтрашнего дня... А в конце зимы неожиданно пришло письмо от Черменского, и Софья не спала всю ночь – самую счастливую ночь в ее жизни, – читая и перечитывая эти строки. Владимир сообщал, что, едва освободившись от службы у Мартемьянова, он кинулся искать ее, что найти так и не смог, поскольку театральная труппа переезжала из города в город, что, набравшись наглости, осмелился явиться в Москву к ее старшей сестре, и Анна Николаевна любезно согласилась дать адрес... Каждая строка письма была полна любви, и это почувствовала даже совсем не искушенная в сердечных делах Софья.

Когда в Ярославль приехала погостить старшая сестра, Софья накинулась на нее с расспросами. Анна, смеясь, рассказала, что Владимир Черменский пришел в ее дом в Столешниковом и прямо с порога, едва представившись, попросил Софьиной руки. Было очевидно, что Анне понравился Владимир – настолько, что она дала ему адрес сестры и обещала всяческую поддержку со своей стороны. «Может, господь хоть тебя помилует... – грустно улыбаясь, сказала Анна. – Владимир скоро будет здесь, в Ярославле, он намерен делать тебе предложение».

Но Черменский не приехал. Зима прошла, растаял снег, Волга очистилась ото льда, а его все не было. Не приходило больше и писем. Сначала Софья мучилась, плакала, недоумевала, вновь и вновь перечитывала то единственное его послание, пытаясь понять, что же произошло... Потом отчаяние сменилось тяжелым безразличием и презрением: испугался... не захотел жениться на бесприданнице... на актрисе, старшая сестра которой – содержанка, а младшая – уголовная преступница... Черменский – дворянин, из хорошей семьи, зачем ему этот мезальянс? Он опомнился, остыл и... и более ей, Софье Грешневой, нечего ждать.

Масла в огонь подливала и ведущая актриса труппы Марья Мерцалова, которая снимала комнату в том же доме, что и Софья. Маша, в свои двадцать семь лет уже много чего повидавшая, не уставала повторять неопытной соседке, что глупо ждать от мужчин искренней любви, что актрисам рассчитывать на блестящую партию не следует, что надеяться в жизни можно лишь на саму себя и что Софье лучше думать не о романтических чувствах, а о том, как приобрести сильного и богатого покровителя. За этим, впрочем, далеко ходить было не нужно: как раз в то время Софья дебютировала в роли Офелии и имела бешеный успех, дня не проходило, чтобы к ее дому не подкатывала коляска с очередным поклонником. Предложения делались разные, от пятисот рублей ежемесячно на булавки до обещаний купить дом со всею обстановкой и дать полное содержание. Софья всем отказы-

вала наотрез.

В один из ясных апрельских дней Маша Мерцалова, сияя, сказала Софье, что некий человек ждет ее в гостинице «Эдельвейс». Девушка не сомневалась, что это Владимир. На Софью нахлынула такая волна жара и счастья, что она даже не задумалась – а зачем, собственно, было Черменскому вызывать даму в сомнительную гостиницу, если он мог нанести визит лично?

Сразу же после спектакля девушка очертя голову бросилась в «Эдельвейс». И там, в полутемном гостиничном номере, встретила с... Федором Мартемьяновым, который первым делом запер на ключ дверь и встал у окна, чтобы Софье не вздумалось в него выпрыгнуть.

Вспомнив тот вечер, молодая женщина невольно усмехнулась. Как же она тогда боялась Федора!.. Как дрожала, словно зайчик под кустом, пока Мартемьянов говорил ей, спокойно и неторопливо, словно не замечая ее смятения, что ни на минуту не поверил словам Черменского о том, что Софья утопилась. Он искал ее все эти месяцы, используя свои возможности очень богатого человека, и наконец нашел.

– Что же вам теперь угодно от меня, сударь? – едва смогла спросить Софья.

– Со мной поедешь, матушка?

Пока Софья задыхалась от возмущения, не в силах вымолвить ни слова, Мартемьянов деловито объяснил ей, что Черменского она ждет напрасно.

– У Владимира Дмитрича, вишь ли, батюшка помер, имение огромное без пригляду осталось, не до тебя ему нынче. Да и невесту он теперь может подоходнее взять, за тобой-то приданого – вошь на аркане да дыра в кармане... Так поедешь со мной, Софья Николавна?

Разумеется, Софья отказалась, молясь лишь об одном – чтобы Мартемьянов выпустил ее из гостиницы живой и невредимой. К удивлению девушки, так и случилось: Федор пальцем к ней не прикоснулся и, прощаясь, сказал, что еще несколько дней будет ждать ее решения. Ничего на это не ответив, Софья со всех ног помчалась домой, чтобы потребовать объяснений от предавшей ее Мерцаловой.

Маша, увидев заплаканную, перепуганную насмерть подругу, даже глазом не моргнула. Спокойно, не смущаясь, Мерцалова поведала Софье о том, что хорошо знакома с Черменским, так как весь прошлый сезон была его любовницей, что оба играли в костромском театре, что Владимир бросил ее, внезапно исчезнув из Костромы, а несколько месяцев назад они случайно встретились в калужской гостинице и провели вместе ночь. Наутро Черменский исчез не простившись, а Мерцалова через некоторое время обнаружила себя беременной.

– Кстати, тебе на днях письмо пришло от него. Не хотела тебе показывать, чтоб не расстраивать, но уж теперь-то что... на, читай. – Маша протянула ей смятый листок. Софья взяла его дрожащими пальцами и не сразу смогла прочесть:

строки, написанные знакомым милым почерком, прыгали и расплывались перед глазами.

«Прости меня. В случившемся виноват лишь я один. Не буду писать об обстоятельствах, вынуждающих меня не видеться с тобой, но поверь, они имеются. Лучше нам не встречаться более, наши отношения не могут иметь никакой будущности. Ты прекрасная женщина и актриса, я уверен, ты будешь счастлива с более достойным человеком. Прости. Прощай. Владимир Черменский».

Дочитав письмо, Софья еще смогла спросить у Марьи:

– Зачем же ты меня к Мартемьянову отправила? Я ничего плохого тебе не сделала, Маша, за что?!

– А за деньги, милая, за деньги, – спокойно и жестко ответила Мерцалова. – Он мне за это тысячный билет дал. Я ведь без ангажемента, без копейки и с брюхом, а у меня еще сын есть, на воспитании. Жить-то надо?

– Бог тебе судья, – сказала Софья, уже выходя. И через час отправила записку Мартемьянову, соглашаясь на его предложение. Все равно прыгнуть в реку во второй раз она уже не смогла бы.

Права Анна... в крови у них, Грешневых, эти помрачения рассудка. Что с ней было тогда, как не помрачение? Позже Софья спрашивала у верной девки:

– Марфа, что ж ты не отговорила, не удержала меня? Взяла бы повисла на шее: не пущу, и все!

– Свое разумение имеем, – слышалась в ответ мрачная от-

поведь. – Понимаем небось, когда на господах висеть можно, когда нет. Попробуй я тогда только рот открыть, вы бы меня ни на миг не послушали и одна бы уехали, а куда ж я вас одну пущу?

Итак, доблестная Марфа, собрав пожитки, отправилась вместе со своей барышней.

Мартемьянов увез Софью за границу, и целых полгода она жила попеременно в Австрии, Франции и Италии. Постепенно молодая женщина привыкла к своему покровителю, панический страх ушел, она поняла, что Федор на самом деле влюблен и, похоже, впервые, что он пытается доставить ей удовольствие, выполняя любые ее желания. К искреннему огорчению Мартемьянова, желаний у Софьи было мало. С детства привыкнув к тому, что у них с младшей сестрой одно приличное платье и пара ботинок на двоих, она не интересовалась дорогой одеждой, не видела смысла в приобретении драгоценностей. Единственное, что доставляло ей радость, – занятия пением. Все три сестры Грешневы были музыкальны, обладали хорошими голосами. Софья, научившись играть на фортепьяно, пела вслед за Анной оперные арии: старшая сестра не пропускала в московских театрах ни одной премьеры.

В Неаполе Софья попала в вокальную школу госпожи Росси, бывшей к тому же хозяйкой частного оперного театра, брала уроки бельканто, пела на сцене и несколько раз ловила себя на мысли о том, что вполне довольна жизнью. Воспоми-

нания о Черменском по-прежнему доставляли острую боль, но она убеждала себя, что рано или поздно это пройдет: не век же мучиться мыслями об обманувшем ее мужчине...

Снег за окном повалил стеной. Глядя в эту серую непроглядную пелену, Софья вспомнила тот резкий, почти болезненный всплеск счастья, когда Мартемьянов объявил, что выкупил для любовницы Грешневку. Грешневку – милое родное имение, которое ушло по закладным за долги. Казалось, Грешневка была потеряна навсегда, Софья старалась поменьше вспоминать об утраченном родовом гнезде, понимая, что вернуть его нельзя... Кто бы мог подумать, что Федору придет в голову сделать ей такой подарок?.. Софья вытерла внезапно набежавшие слезы. С горечью подумала: как, однако, шутит судьба... Вечером того же дня, счастливая, полная самых радужных планов, желая еще раз убедиться в том, что она, Софья, теперь вновь полноправная хозяйка своего имения, она полезла в бумаги Федора за купчей на Грешневку... и нашла там письма Черменского. Шесть писем, которых Софья в глаза не видела, которых так отчаянно ждала минувшей весной, которые все до единого оказались перехвачены Мерцаловой и проданы ею же Мартемьянову. Послания эти, как то, самое первое, были переполнены любовью, и лишь в последнем Владимир, не понимая, почему Софья не отвечает ему, извинялся за собственное нахальство и обещал более не писать до тех пор, пока не получит хоть какого-нибудь ответа.

Она до сих пор не понимала, почему не умерла тогда, сидя на полу неаполитанской гостиницы и читая нежные, так поздно дошедшие до нее письма: казалось, что сердце разорвано пополам. Может, и умерла бы... если б в этот вечер не должна была состояться премьера «Травиаты» в оперном театре, где Софью неожиданно попросили заменить актрису, исполнявшую партию Виолетты Валери.

Она спела Виолетту, вызвав бешеную овацию неаполитанцев; спела, находясь в странном полуобморочном состоянии, почти не видя ни сцены, ни партнеров, не слыша собственного голоса, не понимая, отчего так неистовствует, аплодируя, зал. Ее вызывали без конца, но Софья, едва переодевшись, сбежала из театра через окно своей уборной и на следующий же день в сопровождении Мартемьянова покинула Италию.

Федор ни от чего не отпирался. Впрочем, и не каялся, жалея лишь об одном: что не сжег письма Черменского сразу по приобретении. Софья, которая была не в силах ни плакать, ни упрекать, ни проклинать, все же смогла показать Федору последнее послание, записку Владимира, врученную ей в Ярославле Мерцаловой. Пробежав его глазами, Мартемьянов искренне удивился и заявил, что он этой записки в глаза никогда не видал.

– Глянь, он же и по имени тебя тут не зовет, Соня! И «ты», а не «вы»... А конверт где? Имя там твое прописано? Вовсе не было конверта? Ну-у, Соня... Мало ли кому наш брат такие-то писульки сочиняет... Обманула тебя змеюка Марья.

Не к тебе он это писал.

И Софья поняла, что Мартемьянов прав.

– Уйдешь теперь, Соня?

– Нет. Некуда уходить.

– Простишь, что ль, меня? – удивился он.

– Не смогу, – честно ответила Софья. – Давай без этого проживем, если сумеем.

Больше Федор ни о чем ее не спрашивал.

Софья не соврала Мартемьянову ни единым словом. Идти ей в самом деле было некуда. О том, чтобы встретиться с Черменским после того, как она полгода прожила в содержаниях у Мартемьянова, Софья даже думать не могла без содрогания. Да, ее обманули, да, были перехвачены письма, да, так сложились обстоятельства... Но в том «помрачении», когда она по своей доброй воле отдала себя в руки Мартемьянова, не был виноват никто. Никто, кроме ее самой, Софьи Грешневой. У нее был выбор, и она сделала его. А значит, незачем оглядываться назад.

Она не ушла от Федора – потому что, несмотря на вскрывшийся обман, на сделанную им подлость, на то, что по его вине жизнь Софьи оказалась сломана, он почему-то не стал отвратителен ей. Купец-пароходник тридцати трех лет, в молодости прошедший огонь и воду, почти неграмотный, очень сильный, очень вспыльчивый, с репутацией разбойника с большой дороги, Мартемьянов ни разу за полгода не обидел ее. Он держал Софью в камелиях, но лишь потому, что она

сама, несмотря на стенания Марфы о том, что любовь любовью, а жить надо по-людски, наотрез отказывалась обвенчаться с ним. И Софья не боялась его нисколько, хоть и знала к тому времени, что Федору Мартемьянову доводилось убивать людей. Он сам однажды поведал ей об этом и, судя по всему, не солгал. Софья давно уже не пугалась, когда по ночам Федор метался на постели, рыча и ругаясь сквозь стиснутые зубы, то убегая от кого-то во сне, то, напротив, догоняя... Будить его при этом было совершенно бесполезно, и всякий раз Софья, преодолевая усталость, усаживалась рядом, брала себе на колени горячую, тяжелую, встрепанную голову любовника и сидела так, борясь с зевотой, до тех пор, пока он не успокаивался и не затихал. Наутро Мартемьянов уверял, что ничего не помнит, и Софья считала, что так оно и было на самом деле.

Когда уже в Москве она, несмотря на сопротивление любовника (он опасался Софьиной знатной родни), познакомила его с сестрой, Анна пришла в ужас, и только воспитание, полученное в стенах Смольного института, помогло ей скрыть панику. Федор при этом представлении тоже чувствовал себя неудобно, почти не открывал рта, явно боясь ляпнуть что-то не бонтонное, и при первой же возможности исчез.

Едва оставшись наедине с сестрой, Анна потребовала объяснений:

– Соня, почему?! Ведь это же... это же... Боже, Соня, я

все понимаю, я сама не святая, так уж, видно, суждено нам, Грешневым, но... но... Это ведь дикарь! Разбойник с большой дороги! Стенька Разин, Пугачев, Кудеяр! Почему именно он?! Ты хороша собой, молода, ты в сотню раз лучше меня, ты могла бы...

– Аня, так уж вышло, – как можно тверже оборвала ее Софья, радуясь про себя тому, что благоразумно не рассказала сестре о письмах Черменского, перехваченных Федором, и о его обмане. Впрочем, о Владимире Анна через мгновение вспомнила сама:

– Соня, но как же Черменский?! О, ты ведь ничего не знаешь, я даже не могла писать к тебе, ты жила то в Вене, то в Париже, а он... Соня, Владимир часто бывал у меня тут, спрашивал, нет ли вестей от тебя, он ничего не может понять, ты даже не ответила на его письма...

– Какие письма, Аня? – спросила Софья, чувствуя себя препротивно и всей душой надеясь на свой актерский талант: впервые в жизни она пыталась обмануть сестру. Но, видимо, ярославские газетные рецензенты не врали, называя мадемуазель Грешневу «весьма талантливой актрисой с большим потенциалом»: Анна поверила и страшно удивилась:

– Ты не получала его писем?!

– Лишь одно – то, которое я тебе показывала. И еще записку, в которой он просил не искать с ним встреч.

– Соня, этого просто не могло быть! Боже, неужели я до сих пор ничего не понимаю в мужчинах?! У тебя сохрани-

лась эта записка?

– Нет, я ее порвала.

– Напрасно...

– Ничуть. Не собираешься же ты допрашивать господина Черменского о его намерениях с этой бумажкой в руках?

– Ma chierie, он порядочный человек...

– Ma chierie, это уже не имеет никакого значения.

Спорить Анна не стала и лишь растерянно спросила:

– Так ты намерена продолжать жить с этим... твоим купцом?

– По крайней мере, он любит меня, – отрезала Софья, на что сестра уже ничего не могла ответить.

Жизнь пошла своим чередом. В Грешневку, которая теперь снова принадлежала ей, Софья так и не поехала. Федор не спрашивал ее почему: видимо, понимал сам. Он купил небольшой дом в тихом Богословском переулке, недалеко от Столешникова, где жила Анна, и сестры теперь могли часто видаться. Марфа поселилась вместе с Софьей и каждый день радостно носилась из Богословского в Столешников.

– Вот и слава господу, вот и хорошо! Хоть как, а вместе, и при деньгах каких-никаких, и... Вот еще бы Катерину Николавну сыскать, так я бы все церкви в Москве на коленях обползала!

Но, видимо, Марфино ползанье богу было ни к чему, потому что о младшей Грешневой по-прежнему не появлялось никаких вестей.

Свои первые осень и зиму в Москве Софья прожила в каком-то странном оцепенении. Год спустя она даже не могла вспомнить, что делала, о чем думала, чем занимала себя в эти месяцы. Утром вставала, как правило, поздно, пила поданный Марфой чай, после, если была хорошая погода, шла гулять, возвращалась... На вопросы служанки о том, хорошо ли барышня прошла и что видела, только пожимала плечами: в памяти не оставалось ничего.

Иногда Софья садилась за фортепиано, что-то играла, что-то пела – механически, как заводная кукла, без капли удовольствия. Делала она это лишь потому, что в Неаполе синьора Росси постоянно твердила ей: голос – инструмент, требующий постоянного использования, иначе он может испортиться навсегда. Софья, понимая, что игра на сцене – единственное, чем она сумеет в случае чего заработать себе на жизнь, боялась остаться без этой возможности и регулярно тренировала голос. А дождавшись Великого поста, традиционного времени прослушивания в Императорских театрах, пошла на прослушивание в Большой.

Ее взяли в театр так легко, что Софья даже приняла происходящее за розыгрыш. Спросили, кто она, где училась пению, в каких спектаклях играла, имеются ли рекомендательные письма. Последних у Софьи не было, но когда она сказала, что училась в Неаполе у Паолы Росси и дебютировала в «Театре Семи цветов», а после этого еще спела арию Виолетты, – первую, сложнейшую, написанную для хрустально-

го колоратурного сопрано, – ее сразу же взяли во второй состав и назначили жалованье.

Дни шли за днями – одинаковые, ровные, уже бесслезные, но и безрадостные. Софья ходила на репетиции, принимала участие в спектаклях, пела вторые роли, ничуть не грустила из-за того, что больших партий ей не дают, бывала в театрах и в гостях. Если Мартемьянов оказывался в Москве, выезжала с ним в рестораны или кафешантаны. Так прошло три года.

Иногда Софья виделась с Черменским на вечерах у сестры. Они встречались как чужие, едва знакомые люди, да, в сущности, так оно и было. Анна не теряла надежды на то, что сестра и Владимир сумеют все же объясниться, но ни Софья, ни Черменский, казалось, не стремились к этому. Часто Софья видела его в театре во время спектаклей, но он ни разу не пришел к ней за кулисы, ни разу не прислал цветов. Все, казалось, минуло, как случайный весенний сон, как несбыточная фантазия, и Софья не понимала, почему она до сих пор плачет каждый раз после этих редких встреч. Она не кривила душой, говоря Анне о том, что лучше бы ей никогда больше не видеть Владимира Черменского. Не его вина в том, что так сложилась жизнь. Только она, Софья Грешнева, виновата в собственной глупости. Она сама – и, наверное, матушкина бешеная черкесская кровь. И поделать тут уже ничего нельзя. Остается только забыть.

Софья легла в постель, натянула на плечи одеяло. Еще раз

взглянула уже слипающимися глазами на снег, по-прежнему валившийся как пух из распоротой перины, вспомнила, что Анна так и не вернулась, – и провалилась в сон.

Анна Грешнева, покинув сестру, отправилась в свою пустую гостиную. Впрочем, когда хозяйка дома вошла туда, комната пустой уже не была. За круглым полированным столом расположился тайный советник Анциферов. Напротив, на краешке кресла, неестественно прямо, со сложенными на коленях руками сидела Манон – одна из «кузин графини Грешневой», худенькая большеротая девушка лет двадцати. По ее несколько растрепанному виду, красным пятнам, горящим на щеках, и выбившимся из прически светлым пушистым прядям волос было видно, что она совсем недавно прибежала откуда-то сломя голову.

– Просто шармант, Аннет, – с улыбкой повернулся к вошедшей Анне Максим Модестович, но глаза его под полуприкрытыми тяжелыми веками не смеялись. – Верите ли, эта прелестная особа примчалась пять минут назад – и ровно столько же я пытаюсь добиться от нее, в чем, собственно, дело. Она героически отвечает, что у нее, вообразите, *инструкция!*.. – и что все вопросы может задавать только мадам!

– И она совершенно права, – спокойно подтвердила Анна. – Благодарю вас, Манон, вы все сделали верно. Итак?.. Можете говорить свободно при этом господине.

Блондинка Манон все же недоверчиво посмотрела на Ан-

циферова, затем победоносно улыбнулась Анне и извлекла из-за корсажа измятую связку бумаг.

– Неразумно, дитя мое, – строго заметила ей графиня. – Теперь будет сложно придать им первоначальный вид. Могут возникнуть ненужные вопросы...

– Я знаю, мадам. Но другой возможности, право, не было. Мне пришлось спешить, – торопливо, проглатывая слова, произнесла Манон, и, несмотря на правильную светскую речь, в ее голосе начало проскальзывать явное волжское оканье. – Вы говорили, что бумаги нужны непременно на этой неделе, а завтра... то есть сегодня, уже воскресенье.

– Вы уверены, что взяли именно то, что я просила?

– Да. Письма к австрийскому консулу, к германскому послу, к испанскому... и вот это, вероятно, недавние ответы на них.

– Сколько имеется времени?

– Очень мало. Граф Будницкий должен проснуться, если я правильно рассчитала, к пяти утра. Мне нужно успеть вернуть бумаги на место.

– Вас видел кто-нибудь, когда вы покидали графа?

– Никто. Прислуга была отпущена, супруга графа в Ницце. У меня есть ключ.

– Bravo, девочка моя, – вполголоса сказал Максим Модестович.

Анна и Манон одновременно взглянули на него, но тайный советник не стал пояснять, к которой из них относится

комплимент. Он придвинул к себе стопку бумаг и не спеша начал их просматривать.

– У вас менее часа, Максим Модестович, – напомнила Анна. – Скоро утро, а вы слышали, что сказала Манон. Не стоит подводить мою лучшую девушку.

Манон залилась краской от этой похвалы и с таким обожанием посмотрела на Анну, что Анциферов уважительно приподнял брови.

– Не беспокойтесь, дамы. Я справлюсь за полчаса.

Он углубился в чтение бумаг, а Анна и Манон тем временем вполголоса разговаривали в уголке дивана. Вернее, говорила Манон, а графиня слушала, изредка кивала или задавала тихие вопросы, на которые следовали совсем уж едва слышные ответы.

– Благодарю вас, это все, – наконец сказал тайный советник, отодвигая от себя бумаги.

Анна и Манон дружно встали с дивана.

– Моя девушка не зря трудилась, господин Анциферов? – спросила графиня.

– О, что вы, напротив... Сии сведения весьма ценны. Спасибо, дитя мое, извольте принять за прекрасно выполненную работу. – Максим Модестович снял с пальца массивный золотой перстень и протянул его Манон. Та не тронулась с места. Не поднимая глаз, ровным голосом произнесла:

– Благодарю вас, ваше превосходительство, но за выполненную работу может платить только мадам.

– Спасибо, Манон. – Анна прикоснулась к ее руке. – Вы можете идти. Торопитесь, у вас остался час.

– Брависсимо! – с нескрываемым восхищением воскликнул Анциферов, когда Манон тщательно собрала в пачку все бумаги и скрылась за дверь. – Аннет, как вам удастся добиваться подобных результатов? Они, как дрессированные собаки, берут корм только из ваших рук и доверяют только вам!

– Не понимаю вас, Максим Модестович. – Анна пожала плечами. – Вы сами предоставляли мне девушек, все до одной выбраны лично вами, и...

– Но воспитанием их я не занимался! Сие исключительно ваш труд – и труд, как я вижу, немалый! Эту Матрену... м-м... Манон вы натаскивали три года, и результат выше всяких похвал!

– Стало быть, вы не ошиблись в моих скромных способностях.

– Но как вы это делаете?! Поделитесь секретом, и тайна во мне умрет!

– Нет никакого секрета. – Анна устало присела на подлокотник кресла. – Помните, весной я просила вас помочь одному молодому человеку, попавшему в тюрьму за крапленые карты и поножовщину? Ему грозила каторга, и вы любезно согласились облегчить его участь.

– Как же, припоминаю. Некто Иван Крашенинников...

– Верно, память у вас отменная. Это родной брат моей

Манон, брат младший и очень любимый. Вы спасли юношу от Сибири, и его сестра теперь ваша до гробовой доски.

– Вернее, ваша, – уточнил Анциферов.

– Вы сами всегда настаивали на том, чтобы ваше имя было скрыто.

– Разумеется. – Максим Модестович взял руку Анны, поцеловал. – А я, признаться, тогда никак не мог взять в толк – что вам за дело до этого испорченного мальчишки с его семью тузами в колоде? Я даже полагал...

– Что он мой любовник, – со вздохом продолжила Анна. – Боже, Максим Модестович... Ведь мы с вами столько лет знакомы. Вы уже могли бы знать...

– Я все знаю, Аннет. Простите старого осла. Но мои глупости должны быть для вас извинительны. Вы ведь помните...

– Нет, ваше превосходительство. Не помню ничего.

Анциферов взглянул на Анну в упор, но она, не оборачиваясь, смотрела в окно, наблюдая за падающим снегом.

– Жаль, – без всякого выражения произнес Максим Модестович. – Ну, что ж, тогда перейдем к последнему моему делу к вам.

– Что-то еще? – не смогла скрыть удивления Анна. – Я полагала, что Манон со всем справилась великолепно. С послем Вимгельштейном уже работает Одиль, но вы не упоминали, что там нужна срочность, и посему...

– Простите, девочка моя, это не касается... м-м... Одиль. Пусть она поступает, как сочтет лучшим: с Вимгельштейном

в самом деле спешка не требуется, он господин весьма основательный. Я хотел просить вас о другом.

– О чем же?

Анциферов медлил. В его темных, неподвижных глазах бился огонек свечи. Глядя на собеседника, Анна вдруг почувствовала беспричинный страх.

– Что вы скажете о Газданове? – вдруг спросил Максим Модестович.

– О Газданове?.. – с невольным облегчением переспросила Анна. – Но... право, что же я могу о нем сказать, если мы только сегодня познакомились? Ведь вы, верно, знаете все сами, это же вы привели его ко мне!

– О да. И в моих интересах, Аннет, чтобы он как можно чаще появлялся в вашем доме.

– Понимаю, – медленно кивнула Анна. – Я должна предложить ему свою «кузину»? Какую же, на ваш взгляд? Манон тут не подойдет, у нее вид парижской гризетки, а вульгарность по нраву не всякому. Господин Газданов создает впечатление человека с хорошим вкусом. Впрочем, мне трудно судить, сегодняшней вечер дал мало поводов для размышлений. Может быть, вы расскажете мне?..

– Извольте. Александр Газданов – личность незаурядная. Выходец из древней, но крайне бедной осетинской семьи. Образование получил в России, блестяще закончил военное училище, затем – Академию Генерального штаба, воевал в последнюю кампанию – причем находился не в штабе, а в

действующей армии, при генерале Скобелеве, участвовал в сражениях на Шипке и под Плевной, все повышения в званиях получил за боевые заслуги. Войну окончил в звании ротмистра. Потом начал службу по дипломатической линии, при военной разведке, входил в состав русского посольства в Париже, прекрасно говорит на четырех языках, вхож в лучшие дома Европы, имеет обширные знакомства за границей... некоторые из которых вызывают беспокойство моего ведомства.

– Шпионаж? – задумчиво спросила Анна.

– Возможно. Не забивайте себе голову этими подробностями, Аннет. В свое время я дам вам нужные объяснения. А сейчас просто постарайтесь сделать так, чтобы полковник Газданов чаще появлялся у вас. Более того, девочка моя... – Анциферов помолчал, словно собираясь с мыслями. Во взгляде Анны появилась тревога, но Максим Модестович не замечал этого. – Было бы великолепно, если б он увлекся именно вами. Несмотря на молодость, полковник Газданов весьма и весьма умен. Более того, он имеет успех у женщин, это вам не Вимгельштейн с его катаром и одышкой и не дурак Будницкий. Ваши «кузины» очень старательны, но все же малоопытны, а риск слишком велик.

Анна не изменилась в лице. Даже взгляд ее, следящий за кружением снега в полосе света за окном, оставался по-прежнему спокойным. И голос ее был таким же негромким и ровным.

– Другими словами, Газдановым должна заняться я лично?

– Вы ничего мне не должны, Аннет.

– Максим Модестович, к чему эти реверансы?.. – пожалала Анна плечами. – Вы можете просто приказать мне.

– Анна Николаевна...

– Оставьте. Вы просите заняться Газдановым – я займусь им. Но, предупреждаю, быстрых результатов предоставить не смогу. Умный мужчина требует умного обращения. И, к сожалению, здесь не может быть никаких гарантий.

– В нашем с вами деле ни о каких гарантиях вовсе не идет речи. Благодарю вас, Аннет, за вашу очаровательную любезность. – Анциферов поднялся. Встала и Анна. Привычно протянула руку для поцелуя, Максим Модестович так же привычно коснулся губами ее кисти. Снова пристально посмотрел на стоящую перед ним молодую женщину. Анна ответила удивленным взглядом:

– Что-нибудь еще, Максим Модестович?

– Как же вы все-таки великолепны, Аннет, – со вздохом сказал Анциферов. – Поверьте, я никогда в жизни не встречал женщину, способную так держать себя в руках.

– Вы не первый год проверяете мою выдержку, – слабо улыбнулась Анна.

– Вынужден, вынужден по долгу службы... И такая же великолепная у вас память. Поэтому я не могу поверить, что вы забыли тот вечер в Одессе, в гостинице. После того, как...

– После того, как вы спасли Катю от каторги и я поклялась, что до конца дней своих останусь в вашем распоряжении.

– Я вовсе не это хотел вам напомнить. – Анциферов, казалось, смутился. Анна, напротив, была очень спокойна, лишь глаза ее, зеленые, как у всех Грешневых, заблестели, как подтаивающий весенний лед.

– Я сказал вам тогда, что люблю вас. Вы не могли это забыть.

– Конечно. Я ответила вам, что я...

– ...урод, лишенный всяких женских чувств, и не способен ответить мне тем же, – процитировал Анциферов, и Анна негромко рассмеялась:

– Вот видите, и вас память не подводит. Но к чему же сейчас эти воспоминания?

Максим Модестович молчал, глядя через плечо Анны в темное окно. Не отводя глаз от падающего снега, с улыбкой спросил:

– Вы ведь так и не поверили мне, Аннет? Не правда ли?

Анна тоже ответила не сразу. Обошла стол, сняла нагар с одной из свеч, сразу же загоревшейся ярко и ровно. Глядя на огонь, вполголоса, медленно произнесла:

– Вы только что, Максим Модестович, хвалили мой ум... Боюсь, что вы заблуждаетесь на этот счет. Право, если бы я была по-настоящему умна, то не находилась бы в том положении, в каком нахожусь всю свою жизнь. Но о том, что

не следует придавать большого значения мужским словам о любви, знает каждая женщина – если, разумеется, ей больше чем тринадцать лет и она не круглая дура.

– Вы такого ужасного мнения о мужчинах, девочка моя? – усмехнулся Анциферов.

– Полагаете, у меня нет для этого оснований?.. Впрочем, дело в другом. – Анна с улыбкой прошла по комнате. Анциферов, по-прежнему стоя у стола, наблюдал за ней. – Мой опыт, Максим Модестович, позволяет мне утверждать, что мужчины, признаваясь в любви, часто сами верят тому, что говорят. И тем опаснее доверять сказанному.

– Не понимаю.

– Право?.. – Анна улыбнулась еще шире. – Что ж, поясню. Дело вовсе не в том, что мужчины – скоты и обманщики, а женщины – святы и наивны. Просто мужские понятия о любви весьма далеки от наших, дамских, представлений. Что подумает женщина о мужчине, который искренне объяснялся ей в любви, а три года спустя непринужденно предлагает ей связь с первым встречным? Что он сутенер, а она дура, не более того. А для мужчины такой поворот событий, вероятно, естествен и ни в коем случае не отменяет его высоких чувств. Я доступно объяснила свои суждения?

– Весьма, – сухо сказал Максим Модестович, на этот раз посмотрев прямо в лицо Анне. Та ответила открытым, спокойным взглядом.

– Что ж... Час поздний, а вы устали, Анна Николаевна.

Надеюсь, мы обо всем договорились. Честь имею.

– До встречи, друг мой, – произнесла Анна в спину уходящему Анциферову.

Когда за ним закрылась дверь, она молча, тяжело, словно разом лишившись сил, опустилась в глубокое кресло и шумно вздохнула. Некоторое время Анна сидела неподвижно. Затем вдруг усмехнулась – жестко и зло. Вытерла глаза, встала и отправилась спать.

Когда Газданов и Черменский вышли из дома графини Грешневой, Столешников переулок был совершенно пуст. Снег валил тяжелыми хлопьями, и, казалось, две шевелящиеся стены отделяют переулок от Тверской и от Петровки.

– Как, однако, шутит судьба, Черменский, не правда ли? – усмехнулся Газданов, на его ястребином лице ярко блеснули красивые, ровные зубы. – Кто бы мог подумать, что мы встретимся здесь, в Москве, и через десять лет? Не хотите ли отметить встречу? Я в гостях и не пил ничего: боялся испортить мнение графини о себе...

Черменский улыбнулся, подумал и кивнул.

– Едем к Ренье?

– Лучше к Осетрову, в Грузины, ближе.

– Идет. Извозчи-и-ик!

Через минуту извозчицы сани уносили двух встретившихся сегодня товарищей сквозь снежную завесу к ресторану Осетрова.

Они познакомились двенадцать лет назад, когда оба, восемнадцатилетние, пришли из разных кадетских корпусов в Александровское военное училище на Знаменке и быстро стали дружны. Этому не помешало то, что отцом Владимира являлся знаменитый боевой генерал, герой Первой Турецкой кампании Дмитрий Черменский, известный всей России, а Газданов был отпрыском обнищавшего осетинского князя, богатство которого составляли лишь старинная турецкая сабля и несколько рысаков в разваливающейся конюшне. Сандро страстно любил лошадей, обожал джигитовку, в манеже доводил товарищей до восторженного воя, выделывая на «мастодонтах» невероятные трюки, множество раз бывал наказан за эти вольности, но даже ротные офицеры восхищались мастерством молодого человека.

– Газданов, почему вы не пошли в кавалерийское?! Или в цирк, по крайней мере? – спрашивал начальник роты капитан Дятлов, с ужасом наблюдая какую-нибудь «чертову мельницу» на спине флегматичного ротного сивки. – Там вам самое место, а меня от ваших м-м... эквилибров скоро родимчик хватит! Слезайте с сивого, вам говорят, он уже икает с перепугу! Марш под арест до вечера, и чтоб я более не видел на занятиях в манеже ничего подобного! Который раз вам сказано!

– Слушаюсь, господин капитан! – лихо отвечал Газданов – и под громовое «ура» всей роты спрыгивал с ошалевшего сивого путем заднего сальто-мортале. – Черменский, дайте

что-нибудь почитать, не то помру в карцере с тоски!

– Возьмите у меня в спальне «Севастопольские рассказы»! Право, не заметите, как время пройдет!

Обоих юношей объединяла страстная любовь к чтению. Но если Черменский пробовал писать и сам и его уморительные пасквилы на преподавателей и товарищей ходили по рукам всего училища, прибавляя своему автору дисциплинарных взысканий, то Газданов, искренне завидуя этому дару, не мог выжать из себя ни строчки и оставался лишь первым и самым благодарным читателем друга. Зато молодому осетину прекрасно давались переводы с немецкого и французского: языки Газданов знал превосходно, учил их быстро, с легкостью читал европейскую классику в подлинниках и даже осмеливался переводить Шекспира и Гейне. Переводы выходили тяжеловесными – бог решительно отказал Сандро в литературном таланте, – но очень точными, и немец Шниттенберг, преподаватель словесности, уверенно пророчил Газданову поприще дипломата. Но Сандро лишь отмахивался, бредя, как и все училище, военной карьерой.

После выпуска друзья расстались: получивший высшие баллы по всем предметам Газданов имел свободный выбор вакансии и распределился в Тифлисский полк, где уже служил его старший брат, а Черменский, два года мучившийся с точными науками и так и не одолевший их, отправился под Никополь, в захолустное местечко. За месяцы, проведенные в полку, военная служба осточертела ему до тошноты, и Вла-

димир с радостью ушел бы в отставку, если б не слово, взятое с него отцом. Помня о своем обещании, молодой человек сдал экзамены в Академию при Генеральном штабе и был готов продолжить карьеру военного, но в тот год генерал Черменский, больше двадцати лет проживший вдовцом после смерти матери Владимира, неожиданно женился вторично.

Мачеха, хорошенькая полька из Гродно, была лишь на три года старше пасынка, и произошло неизбежное: Владимир смертельно влюбился. Янина, казалось, тоже потеряла голову от молодого человека, целое лето они встречались тайком, Владимира страшно мучила вина перед отцом и одновременно – ужас от мысли, что эта одуряющая страсть вдруг прервется... А потом выяснилось: страстная полячка держала в своих любовниках, помимо пасынка, еще и его ровесника и друга, Северьяна. Когда правда всплыла, Владимир ночью покинул имение отца. Вместе с молодым барином ушел и Северьян, рассудивший, что не следует им ссориться из-за всякой шалавы.

Вспоминая впоследствии ту осень, когда они с Северьяном без документов, без денег, как бродяги, уехали зимовать в Крым, Черменский думал, что это было счастливейшее время. Ему тогда исполнилось всего двадцать два года, от молодой дури и уверенности в собственных силах кружилась голова, опостылевшая военная служба осталась позади, впереди ждала полная опасностей и приключений вольная жизнь, рядом всегда был Северьян – вор, сорвиголова и ма-

стер «шанхайского мордобоя», которому он весьма успешно обучил и Владимира. Вокруг расстиралось осеннее, теплое, пахнущее фруктами, морем и полынью крымское побережье, и не хотелось ничего бояться и ни о чем думать. За три года они с Северьяном объездили всю Россию, успели поучаствовать в грянувшей на Кавказе войне, работали вышибалами в публичном доме, грузчиками в порту, матросами на волжских пароходах и подмастерьями на кирпичном заводе. В Костроме Владимир случайно познакомился с провинциальными актерами; шутки ради, поддавшись уговорам новых друзей, попробовал играть – и остался в театре на весь сезон. А с ним и Северьян, решивший, что зимовать при театре спокойнее.

Здесь Черменский встретился с Марьей Мерцаловой – актрисой великолепной цыганской прелести, очень талантливой, блистающей в амплуа трагедийных героинь. Отдавая должное красоте молодой женщины, Владимир тем не менее не был влюблен и очень удивился, когда Северьян обратил его внимание на то, что Мерцалова сама не на шутку увлечена Черменским. Они стали любовниками, вместе играли в спектаклях, чем закончится эта связь, Владимир не задумывался, тем более что Марья и не требовала от него никаких решительных действий. Их роман прервался неожиданно и не по вине Черменского. Все началось с того, что в самом конце сезона Северьян залез в конюшню первого купца в городе Мартемьянова – и попался.

Рассказывая позже о том, как все произошло, друг утверждал, что «не погорел бы нипочем», не будь приказчиков Мартемьянова десяток и не ударь один из них Северьяна по голове оглоблей. Конокрада скрутили, сильно избили и готовились уже бросить с мешком на голове в Волгу, не примчись на выручку Владимир. К счастью, Мартемьянова заинтриговал странный бродяга с офицерской выправкой и речью светского человека. Купец начал расспрашивать Владимира, между делом поинтересовался, откуда его приятель «насобачился» так драться. Черменский рассказал о китайской борьбе. Вскоре мужчины договорились: Мартемьянов оставляет конокраду жизнь и свободу, а взамен Владимир поступает к купцу в услужение, чтобы учить его «молодцов» драться «по-шанхайски». Через две недели они с Северьяном, на котором все зажило как на собаке, вместе с обозом Мартемьянова уехали на Макарьевскую ярмарку. А еще через месяц в захолустной деревне Грешневке, через которую возвращались домой, Владимир увидел Софью. Но тогда же увидел ее и Мартемьянов. И оба пропали мгновенно, взглянув в зеленые погибельные глаза оборванной барышни.

Вспомнив о Софье, Владимир закрыл глаза и в который раз подумал: как бы все могло быть просто, легко и ясно. Если бы он не оказался тогда связан словом, данным Мартемьянову... Если бы сам Мартемьянов не потерял голову от Софьи, если бы не пришлось имитировать самоубийство девушки и отправлять ее тайком невесть куда, почти без де-

нег... Все это было решено наспех, за одну ночь и, по оценке Северьяна, «куда как худо сляпано»: в то, что Софья утопилась, Мартемьянов не поверил ни на грош. Уходя от него осенью, Владимир понял: купец намерен найти сбежавшую девочку во что бы то ни стало. Узнав за эти месяцы характер своего недолгого хозяина, Черменский не сомневался: найдет. Дело оставалось за тем, чтобы обнаружить Софью первым.

У Черменского была фора: он знал, куда отправилась девушка, поскольку сам дал ей адрес театра в Калуге и письмо к своему знакомому антрепренеру. Но, приехав в Калугу ледяным ноябрьским вечером, Владимир не обнаружил там ни Софьи, ни театра. Зато в привокзальной гостинице неожиданно встретил актрису Мерцалову, бывшую любовницу, про которую он за все это время, кажется, и не вспомнил ни разу.

Маша ни в чем его не упрекала и даже толком не спросила. Не смущаясь, рассказала о том, что жила с местным предводителем дворянства, что ушла от него без гроша в кармане и сейчас едет в Ярославль к тамошнему антрепренеру. Она выглядела подавленной, уставшей, у нее, как всегда, не имелось денег, надежда на ангажемент тоже была очень зыбкой. В упор смотря на Владимира черными цыганскими глазами, Мерцалова попросила не оставлять ее в эту ночь. Черменский не отказал бывшей любовнице. И наутро уехал, оставив короткую, ничего не значащую записку. Мог

ли он тогда знать, мог ли даже предположить, чем все это закончится?..

... – Черменский, может быть, поедемте спать? – нерешительно предложил Газданов, когда извозчик остановился у освещенного подъезда ресторана, откуда доносилось цыганское пение. – Вы, мне кажется, устали и не расположены...

– Что?.. А, вздор. – Владимир мотнул головой, отгоняя тяжелые воспоминания. – Идемте. Да, кстати... Помнится, в училище мы были на «ты». Но если...

– Чепуха! – Сандро широко улыбнулся. – Я и сам все собирался об этом напомнить, но боялся выглядеть Ноздревым. Стало быть, как прежде? Ура?!

– Ура, – согласился Владимир, невольно улыбаясь в ответ. Расплатившись с извозчиком, они вошли в ресторан.

У Осетрова было тепло, чисто и сегодня, к удивлению Черменского, довольно спокойно, хотя это место славилось шумными купеческими загулами. Войдя, Владимир приметил лишь одну большую компанию у дальней стены. Цыганский хор тянул что-то душещипательное, бесшумно носились половые, сам хозяин, заложив большие пальцы за проймы жилета, наблюдал за залом из-за буфетной стойки. Увидев входящих, он покинул свое место и степенно подошел.

– Доброй ночи, Владимир Дмитриевич. Кабинетик изволите?

– Газданов, пойдем в кабинет?

– Слушай, останемся лучше здесь. – Сандро улыбался,

глядя на цыганский хор. – Люблю их, чертей, не поверишь как!

– Шумно может статья в скором времени, – честно предупредил Осетров, чуть заметно кивая в сторону компании у стены. – Господа купцы с вечера воспринимают, уж почти и готовые.

– Ничего. Мы пока посидим здесь. Станет громко – уйдем.

– Что заказывать изволите? Чудную ушицу из стерлядки имеем, поросеночком могу угостить молочным с кашкой, карасей в сметане хрустящих можно изобразить...

– Фрол Васильич, ты пришли нам Демьяна, да скажи ему – как обычно.

– Слушаю-с...

– Тебя тут все знают! – удивился Сандро, усевшись и наблюдая за тем, как лысый, длинный, исполненный достоинства Демьян с белой салфеткой скользит вокруг стола. – Чем ты сейчас занят, служишь где-то?

Черменский усмехнулся, покачал головой. Вместо него с улыбкой ответил Демьян:

– Пишут оне-с. Для газет. Вся Москва запоем читает. Весьма даже увлекательно выходит, особенно последнее, про Хитров да «Пересыльный»...

– Демьян, как тебе не стыдно... – отмахнулся Владимир, но Газданов удивленно вскинул брови:

– Позволь... Ну как же, я читал! В «Московском листке»! «Рыцари тумана», кажется, так? Псевдоним автора...

Не помню, что-то очень простое...

– Дмитриев, – усмехнулся Черменский. – Редактор, правда, пытался навязать мне «Аполлонского» или «графа Ка-стальдини», рассчитывая, что и барышни тоже будут читать... но тут уж я встал насмерть.

– Так Дмитриев из «Московского листка» – это ты?! Боже мой, Черменский! – поразился Газданов. – Что ж... еще в училище было понятно, что этим и кончится. Помнишь эпиграмму на майора Ртицкого?

– А как же... Пять дней ареста.

– И давно ты эдак... борзопишуешь?

– Года три. С тех пор как живу в столице. Никакой дру-гой службы я не знаю, сидеть круглый год в имении скучно, я там бываю лишь с весны до осени, пока идут работы... – Черменский говорил медленно, с неохотой, но Газданов это-го не замечал. Казалось, он думает о другом.

– Какая чудная женщина, Черменский, верно?.. – произ-нес он, когда Демьян наконец закончил колдовать над сто-лом и ускользнул. – Я таких глаз никогда в жизни не видел. Зеленые, как море... Ты на Каспии бывал?.. Хороша безум-но! Расскажи мне о ней!

– Изволь, но что же? – пожал плечами Черменский.

– Да все, что знаешь! Ведь ты вхож в дом, разговаривал с ней запросто...

– Газданов, ты с ума сошел? Мы двух слов друг другу не сказали! Она всего несколько минут пробыла в гостинной! И

те пела!

С минуту они недоуменно смотрели друг на друга. Затем дружно рассмеялись.

– Черменский, ты о какой из них говоришь?!

– О Софье Грешневой, разумеется! А ты?

– Об Анне! Черт возьми... – Газданов снова негромко рассмеялся. – «Неужто ты влюблен в меньшую? – А что? – Я выбрал бы другую, когда бы был, как ты, поэт...»

Черменский тоже усмехнулся, пригубил вино. Вполголоса спросил:

– Как ты у нее оказался? Графиня Грешнева весьма осторожна в выборе гостей.

– Притащил Анциферов. Он-то, похоже, ее старинный друг и даже... – Газданов запнулся, посмотрел на Черменского. Тот, невозмутимо разглядывая на свет вино в бокале, поинтересовался:

– Так ты дружен с Анциферовым?

– С какой стати? – пожал Газданов широкими плечами. – Просто знакомы по долгу службы, хотя наши ведомства и разны. Сегодня случайно разговорились после совещания у государя. Генерал Анциферов, как выяснилось, прежде общался с отцом, у нас есть общие знакомые... Он оказался весьма интересным собеседником. Мы вместе посидели у Клоссе, потом генерал сообщил, что приглашен на вечер в самый интересный дом в Москве, и позвал с собой. Он назвал имя хозяйки, я был, конечно, заинтригован, и... Как

давно ты знаком с графиней?

– Четыре года, – медленно ответил Черменский.

Газданов вопрошающе смотрел на него, ожидая продолжения, но Владимир молчал.

– Послушай, – наконец обиженно начал Сандро. – Не хочешь говорить – ради бога, не надо, но я не понимаю, зачем столько таинственности? Если бы ты сам был заинтересован в этой даме – тогда все понятно, но ты же вроде увлечен ее сестрой?

– Поверь, я не увлечен ни той ни другой, – без улыбки произнес Владимир. – Видит бог, еще утром я подумать не мог, что снова окажусь в этой гостиной. Последний раз я был у графини прошлой весной.

– Вот как? – Газданов смотрел недоверчиво. – Отчего же сегодня?..

– Искал Северьяна. Ты ведь его должен помнить, моего бандита.

– Твой конокрад?! – несказанно удивился Газданов. – Он все еще при тебе?

– И я при нем, – подтвердил Черменский. – Мы не расстаемся уже, наверное, больше десяти лет. И вот вдруг – пропал. Просто ушел из имения ночью, никому ничего не сказав!

– Ну-у, этого можно было ожидать...

– Нельзя никак! – резко отозвался Владимир. – Я должен был знать! Не понимаю, что за стих на него нашел! Никогда прежде он так не вел себя! Месяц я еще ждал, думал – мало

ли что ему в башку могло ударить, загулял, запил где-нибудь, с ним случается... Но он, паршивец, второй месяц не появляется, и вот – пришлось ехать на поиски. С утра я побегал по Москве, у нас с ним тут имеются... м-м... общие знакомые, а ближе к ночи заглянул к Фекле. Это кухарка Грешневой, у них с Северьяном когда-то был роман, и я подумал, может, Фекла что-то знает. Но он у нее не показывался. Я уже готов был откланяться, когда вдруг вошла графиня... Меня сразу захватили в плен и переправили в гостиную.

Черменский умолк. Невесело усмехнулся, глядя в сторону. Что толку врать самому себе – он хотел увидеть Софью. И был страшно разочарован, войдя в гостиную и не обнаружив там ее. Но Анна, перехватив его взгляд, чуть заметно улыбнулась, попросила немного подождать, и Владимир отчетливо понял, что стоит это сделать.

И дождался, черт возьми... При воспоминании о том, что произошло два часа назад, настроение Черменского, и без того плохое, испортилось окончательно. Как безобразно он повел себя... Чуть было не сделал вид, что они незнакомы, молчал, как болван, когда остальные просили ее спеть... Софья пела, а он, глядя в окно на падающий снег, вспоминал о том, как впервые услышал ее голос – четыре года назад, в захолустной деревне, в забитом пьяными мужиками кабаке. Она пела тогда под гитару «Что ты жадно глядишь на дорогу» – семнадцатилетняя босоногая девочка со слезами в зеленых, как у лесной русалки, глазах, и у него мурашки бе-

жали по спине от этого голоса, глаз... До сих пор все живо в памяти, до сих пор не отболело... А ведь времени прошло немало. Можно было за столько лет понять, что ничего уже не изменится, не вернется обратно та ночь на обрывистом берегу Угры, когда он и Софья сидели, разделенные лишь умирающими углями костра, и Владимир успокаивал ее, говоря, что нельзя сводить счеты с жизнью, что бы ни случилось, а девушка молча, глядя в огонь, слушала его, и желтый огонек бился в неподвижных глазах... Кончено. Незачем и вспоминать. Но он все еще не мог справиться с собой, – виновато в этом было последнее письмо Маши. Марьи Мерцаловой, актрисы, его недолгой любовницы, покончившей с собой во второсортном борделе на Грачевке несколько лет назад. Накануне ее самоубийства они встретились случайно в полупустом под утро зале борделя. Маша была уже очень слаба, кашляла кровью. Не глядя на Владимира, рассказала о том, что из-за болезни осталась без работы, без ангажемента, из последних сил подрабатывала в публичном доме, играя для гостей на пианино, и добавила, что через неделю-другую она, вероятно, умрет. Отчетливо видя, что это правда, Владимир предложил ей:

– Поедем в Крым, там воздух, море... Ты вылечишься!

– Что ты, Володя... – отмахнулась она, глядя на него лихорадочно блестящими черными глазами. – Это уже не вылечить. Да и ни к чему. Рада я, что встретила с тобой напоследок... Уходи, ради Христа.

До сих пор он проклинал тебя за то, что послушался. Хотя и понимал в глубине души, что это ничего бы не исправило. По глазам Маши было уже понятно: она разочлась с жизнью. На другой день зареванные проститутки, придя к Черменскому в гостиницу, передали ему последнее письмо Мерцаловой, которое Владимир перечитывал столько раз, что уже знал наизусть.

«Володя, ты только не грусти. Право, для меня это лучше и уж в любом случае быстрее. Так нелепо сложилась жизнь, что в самом бездарном водевиле не увидишь. Если сумеешь, прости меня. Я грешна перед тобой, но, бог свидетель, лишь потому, что любила тебя страшно... хоть это нисколько и не оправдание. Не могу написать подробнее. Пусть уж этот грех на душе останется. Одно лишь скажу: о Соне Грешневой не думай плохо, она с этим толстосумом только из-за нашего бабьего горя поехала... и постарайся с ней встретиться. Она все расскажет. Наверное, Соня тебя любит, хотя я, прости, не верю: молода девочка слишком. Видит бог, по-другому я никак не могла поступить... Прошу тебя лишь об одном: не оставь моего сына. Прощай. Остаюсь твоя Марья Мерцалова. Теперь уж, кажется, навсегда».

– Черменски-и-и-ий!

Женский голос позвал его на весь зал так звонко и неожиданно, что Владимир вздрогнул, обернулся и увидел, что от дверей к нему опрометью мчится кудрявая большеротая

брюнетка в сбившейся набок шляпке и мужском макинтоше.

– Ба-а-а, Черменский! Сколько же не виделись?!

– Всего лишь три месяца, Ирэн, зачем ты так кричишь? Ты в Москве? Тебя опять уволили из «Сплетен»? – Владимир едва успел подняться и подхватить кинувшуюся ему на шею стриженую брюнетку. Этот пируэт был проделан девицей весьма непринужденно – впрочем, как и все, что делала Ирэн Кречетовская, петербургская журналистка, печатавшаяся под псевдонимом «поручик Герман».

– Уволил, мер-рзавец! В шестой раз! Да и бог с ним, через два месяца, как всегда, возьмет назад, не Аленский же ему будет писать про «деловых»... Черменский, а что ты здесь делаешь? Ты приезжал в редакцию? К Петухову? Что-то новое, да? Или уж окончательно, зимовать? И даже не написал мне, пф, бессовестный! Как там твои яровые да озимые, заколосились? А я, вообрази, встретила тут у вас, на Сухаревке, старого знакомого, и он мне поведал, что у Осетрова сегодня будет пьяная драка с дебошем... Я – немедля на извозчика, лечу... а тут еще, оказывается, и не начиналось! – Ирэн с возмущением покосилась через плечо на компанию пьяных купцов, вразброд, но довольно благодушно исполняющих вместе с цыганским хором «То не ветер ветку клонит». – Ну и ладно, значит, из всех московских борзописцев буду первой! Кто это с тобой?

– Ирэн, Ирэн, успокойся... Газданов, перестань скалить зубы, это не то, что ты думаешь... Ирэн, позвольте вам...

тебе... представить полковника Александра Газданова, моего давнего приятеля. Сандро, это мадемуазель Кречетовская, сотрудник «Петербургских сплетен», знаменитый «поручик Герман».

– Как же, слышал, читал... – немного удивленно отозвался Газданов, вставая и целуя руку смеющейся Ирэн. – Так это вы – та бесстрашная барышня, которая писала о шайке громил Степки Колуна?

– Да, я! – сощуренные глаза Ирэн смеялись. – И, по чести говоря, не такие уж они были кровожадные разбойники, как уверяла полиция. А вы – по военной части? По дипломатической?! Восхитительно!!! Может, расскажете мне о каких-нибудь шпионских тайнах? О нет, не бойтесь, не для печати, просто интересно!

Черменский только вздохнул. Они с Ирэн познакомились три года назад в Петербурге, куда Владимир приехал вместе с Северьяном, чтобы исполнить последнюю просьбу Маши Мерцаловой и решить судьбу ее сына. Выяснилось, что мать актрисы давно умерла, мальчишку взял в учение сосед, хозяин портняжной мастерской, устроивший малолетнему ученику такую жизнь, что тот вскоре сбежал на улицу. Помочь отыскать его вызвалась прислуга из дома портного, рыжая Наташка с пятимесячным животом («Хозяин на первый Спас осчастливили...»), которая, кажется, одна относилась к пареньку по-человечески. После долгих поисков Владимир и Северьян обнаружили Ваньку в трущобах возле Сенной, от-

куда мальчишка наотрез отказался уходить. Спас положение Северьян, который недолго думая объявил парню, что является его отцом и посему забирает его отсюда по законному праву. Ванька, ни о каком папаше слыхом не слыхивавший за все свои девять лет, не нашелся что возразить, но выдвинул условие: без беременной Натальи он шагу из Питера не делает. Та немедленно начала рыдать, Северьян – уговаривать, Владимир – прикидывать, что ему теперь делать с двумя сиротами, свалившимися как снег на голову... и в это время в ночлежку ворвалась Ирэн, которую Черменский сначала принял за проститутку или воровку с Сенной. Да и кто бы еще мог завопить на все заведение: «Шухер, урки, легаши!!! Облава!»

Вместе с Ирэн они тогда сбежали через обнаружившийся за буфетной стойкой подземный ход. Так и познакомились. На другой день Кречетовская уехала вместе с ними в Москву, уверив, что там у нее неотложное дело.

Глядя на Ирэн, Владимир не мог не признавать, что таких женщин на его пути еще не встречалось. У мадемуазель Кречетовской, казалось, напрочь отсутствовало чувство страха и самосохранения. В своем мужском макинтоше, кокетливой шляпке на остриженных, выющихся волосах, с крепкой папиросой «Север» в зубах и с бельгийским «франкоттом», из которого она мастерски стреляла, в кармане Ирэн бесстрашно разгуливала по трущобам и переулкам возле Сенной площади, делая свои знаменитые репортажи о жизни питерско-

го дна. Она лично была знакома с цветом воровского общества в Петербурге, запросто заходила в самые вонючие нищенские ночлежки, знала по именам всех проституток с Лиговки и беспризорников с Сенной. Более того, в этом обществе Ирэн имела репутацию «верной дамочки», которая никогда не сдаст «фартового человека» легавым и в своих статьях не упомянет ничего ненужного. В этой традиции молодая журналистка твердо следовала за своим отцом – знаменитым на весь Питер репортером уголовной хроники Станиславом Кречетовским. Писала она под мужским псевдонимом «поручик Герман».

Северьян уверял, что «барышня» влюбилась в Черменского сразу и наповал. Владимир в это ничуть не поверил, да ему в то время было и не до амуров: прошло всего несколько дней со смерти Маши, Софья, уехавшая с Мартемьяновым за границу, была потеряна для него навсегда, жизнь казалась конченной, и Владимир искренне жалел, что не может плюнуть на все и вместе с верным Северьяном махнуть на зиму в Крым. Теперь, повесив себе на шею Ваньку, а вместе с ним и пузатую Наталью, об этом следовало забыть надолго.

В Москве они с Ирэн расстались: журналистка отправилась напрямиком на Хитров рынок отыскивать своих знакомых громил, Владимир, обремененный семейством, уехал в имение. Северьян, видя его растерянность, утешал:

– Да брось журиться, Владимир Дмитрич, разгребемся как-нибудь... Впервой, что ли? Не грудные, чать, младенцы,

устроются... Много ли им надо-то? Кусок в зубы, да на конюшню хомуты чистить...

– Не выдумывай, Ваньке учиться надо.

– Еще чего! Я его все равно в Москву не отпущу, что ему книжки-то читать, много вот тебе-то с них радости? А Натахе вовсе рожать скоро...

В конце концов, именно так вышло. Ваньку определили в церковно-приходскую школу, которую он сразу же возненавидел всей душой, Наталья начала крутиться по хозяйству с редкой сноровкой, которой не мешал даже растущий живот, а к зиме в Раздольное неожиданно нагрянула Ирэн.

Когда она на крестьянской телеге подкатила к воротам, Владимир и Северьян с увлечением предавались джиу-джитсу, скача по двору без рубах, в одних штанах и босиком. Десять лет назад с этой борьбы началась их дружба. Владимир до сих пор был уверен, что до Северьяна ему далеко; тот же, в свою очередь, уверял, что по части «шанхайского мордобоя» Черменский давно его превзошел. Дворовые уже привыкли к «художествам» барина и не обращали на происходящее никакого внимания. Северьян первым увидел Ирэн, пропустил удар пяткой в грудь от Владимира, грохнулся на подмерзшую землю, вскочил – и снова свалился, на этот раз в приступе хохота: «Говорил я тебе, Владимир Дмитрич, что она сама прибежит?! Вот и года не прошло, получай!»

Владимир, недоумевая, обернулся – и увидел стремительно входящую на двор Ирэн с папиросой в зубах, в неизмен-

ном макинтоше, раздувавшимся, как крылья. Увидев стоящих посреди двора полуголых Владимира и Северьяна, она даже бровью не повела.

– Вот вы, Владимир Дмитрич, совесть потеряли и носа в Москву не кажете, – решительно, не поздоровавшись, заговорила она. – А меня, между прочим, совсем съели из-за вас в издательстве! Ваши очерки вышли еще в октябре, редактор рвет меня на части каждый раз, когда я появляюсь в Москве, требует личного знакомства с вами, ему нужно еще что-нибудь подобное, у вас гонорар лежит в кассе неполученный, и... Вы намерены сами заниматься своими делами или я должна хлопотать еще и об этом?! Здравствуй, Северьян, тебе не холодно?

– Шутите, Ирина Станиславна! – захохотал Северьян, передергивая могучими плечами и ничуть не смущаясь наготы своего торса. – «Франкотт» ваш при вас ноне?

– Оставила в гостинице...

– Тогда разрешите ручку поцеловать, а то покуда Владимир Дмитрич отмерзнет...

Ирэн тоже залилась хохотом и протянула Северьяну руку. Когда же тот с невиннейшим видом обнял мадемуазель Кречетовскую за талию, она отвесила ему подзатыльник – впрочем, довольно ласковый, – отстранилась и обернулась к Черменскому:

– Владимир Дмитрич, право, ваш слуга ведет себя галантнее! Неужели я настолько некстати прибыла?!

– Боже мой, Ирэн, простите... – опомнился Владимир. – Северьян, что ты регочешь, подай рубаху... И сам оденься, кобель! Прошу в дом, Ирэн, я очень рад...

В доме им сразу поговорить не дали: примчалась с кухни вымазанная мукой и сметаной Наташка, они с Ирэн тут же начали обниматься, целоваться и, не стесняясь мужчин, обсуждать трудности Наташкиного положения (девчонка уже была на восьмом месяце). Потом с конюшни прилетел пропахший конским потом и колесной мазью Ванька, на которого Северьян и Черменский воззрились с огромным удивлением: предполагалось, что мальчишка с утра преет в школе. Он, старательно избегая этих взглядов, основательно уселся на табуретку и принялся расспрашивать Ирэн о своих питерских знакомых среди бродяг и воров.

– Поверьте, Владимир Дмитрич, я бы вас не беспокоила своим визитом, если б не Петухов! – говорила Ирэн, прихлебывая из чашки обжигающий чай. – Это редактор «Московского листка», он пришел в восторг от ваших очерков о волжских матросах, помните, вы же сами мне давали свои путевые заметки осенью, когда мы прощались... Ну так вот, они напечатаны, я привезла вам экземпляры, и Петухов просто стонет-умоляет, чтобы ему написали еще! Вы не поверите, какой в столице поднялся резонанс после выхода ваших опусов!

Владимир не знал, верить или нет. Да, у него была привычка вести своего рода путевой дневник в старой, потре-

панной записной книжке, сопровождающей его во всех путешествиях. Да, Черменскому приходилось печатать некоторые «очерки» в провинциальных городах и даже получать за это, к своему удивлению, деньги, но что его записи будут иметь успех в Москве, в столице... Да Владимиру бы и в голову не пришло бегать со своими писульками по московским редакциям, но этим, как оказалось, весьма решительно занялась Ирэн. Его записную книжку она прочла от корки до корки во время их совместного путешествия из Петербурга в Москву. Прочла, разумеется, тайком, но сердиться на нее Владимир не смог: Ирэн горячо извинялась, клялась, что в жизни не читала ничего более увлекательного, и умоляла дать ей эти записи для представления в редакцию. Черменский отдал Кречетовской всю записную книжку целиком: и потому, что не любил спорить с женщинами, и потому, что для него собственные путевые заметки никакой ценности не имели. На другой же день, уехав в Раздольное, он напрочь забыл об этом. И вот...

– Так мы едем в Москву? – настаивала Ирэн. – Вы избавьте меня наконец от наседаний Петухова и договоритесь с ним сами! Только запрашивайте с него побольше! Я его, бандита, знаю как облупленного, всегда на грош пятаков ждет, просите в три раза больше, чем хочется, – и как раз получите вашу цену! У вас, конечно, есть что-то новое?..

– Ирэн, я... У нас тут, видите ли, шла вспашка под озимые, и...

– Понятно, ничего не написали, – наморщила нос Ирэн. – Фу, как не стыдно так лениться, Черменский, вы просто зарываете в землю свой талант... Что ж, у вас целая ночь впереди, пишите! Завтра уезжаем!

Владимир, совершенно сбитый с толку этим яростным напором, осторожно посмотрел через плечо Ирэн на Северьяна. Но тот сидел на пороге, уронив голову на колени и беззвучно смеясь, и Черменский понял, что ни помощи, ни поддержки от паршивца ему не дожидаться.

– Ну, и каких-таких рывирансов тебе еще надобно, Владимир Дмитрич? – спросил его Северьян часом позже, когда уже стемнело и Ирэн в сопровождении весело стрекочущей Натальи отбыла в отведенную ей комнату. – Вот право слово, просто по-свинячьи себя с бабой ведешь! Ей осталось разве что прямо в постелю к тебе рыбкай кинуться. И то, поди, еще кочевряжиться будешь!

– Слушай, я сейчас тебе в морду дам! – вскипел Владимир. – Ты разве не видишь, сукин сын, что она по делу приехала? И не гогочи на весь дом!

– Да что же еще делать прикажешь?! – откровенно забавлялся Северьян. – По делу, видали вы... По делу грамотные люди письма пишут да телеграммы шлют, а не едут за тыщу верст черт-те куда из столиц по грязи! Послушай, ну, коли сам не хочешь, так хоть меня пусти, грех ведь этакому товару пропадать...

– Не боишься? – поддел его Владимир. – Ведь она тебя то-

гда на Сенной чуть не застрелила, так сейчас – самое время!

– Береженого бог бережет. Ну, так я попробую, Владимир Дмитрич?

– Не смей, – коротко сказал Владимир. Голоса он не повысил, но Северьян сразу перестал скалиться. Пожал плечами, потянулся, засвистел сквозь зубы, скрывая смущение. Чуть погодя усмехнулся:

– Ну... так ты бы написал ей, чего она просит. С паршивой овцы хоть шерсти клок, надо ж барышне хоть что-то с тебя поиметь...

– Это не так просто, как тебе кажется.

– Да-а?! – искренне удивился Северьян. – А чего ж тут мудреного-то, коли грамотный? Бумага, кажись, есть, а нет, так я у Фролыча возьму. Пиши, ночь длинная.

– О чем?..

– Да мало ль мы с тобой видали-то? Про Ганьку из Тамани пропиши... Про Фроську одесскую, вот жаркая баба была, до сих пор во снах гляжу... Про Любку кронштадтскую, кою ты у матросов отбил... Про Степаниду... Про солдатку ту с Вешенской...

– У тебя одно только на уме, – отмахнулся Владимир. – Отвяжись, не то, ей-богу, про тебя напишу. И печатать отдам, узнаешь тогда!

– Ха! Стращали ежа-то голым задом! – уже уходя, бросил Северьян. И, прежде чем Черменский успел достойно ответить, хлопнул дверью в сенях.

Ругались они с Северьяном часто, но на сей раз Владимир разозлился всерьез и, засев в своей комнате, за каких-то полтора часа написал на плохой бумаге еще более плохим пером очерк под названием «Шанхайский Ринальдини», в котором рассказывалось о жизни и похождениях этого парня – выходца из Шанхая, сына русской проститутки и китайского кирпичного мастера, в десять лет сбежавшего из приюта на улицу и отправившегося бродяжить. Северьян мотался по России вдоль и поперек, всюду воровал, сидел понемногу почти во всех губернских тюрьмах, пользовался благосклонностью проституток, купчих и аристократок, воровал в тяжелые минуты и у них, неоднократно, несмотря на владение приемами «шанхайского мордобоя», бывал бит, но что-то изменить в своей жизни ему и в голову не приходило. С Владимиром они встретились душной июльской ночью, в Раздольном, когда обоим сравнялось по двадцать лет. Северьян попытался угнать лошадей, поймавшие его мужики уже всерьез вознамерились «порешить» конокрада, которого спас вовремя вмешавшийся Владимир. И с того дня они были неразлучны. Вместе служили в Никопольском пехотном полку, Владимир – ротным капитаном, Северьян – его денщиком, вместе вышли в отставку, вместе делили постель с мачехой Владимира, страстной полькой Яниной, вместе сбежали из имения, когда это обнаружилось, вместе несколько лет бродили по России, играли в театре, служили матросами, грузили арбузы на пристанях, работали вышибалами в публичных до-

мах, нанимались на заводы и воевали в последнюю турецкую кампанию. И даже женщины им всегда нравились одни и те же. Хотя о том, что Северьян был всерьез влюблен в актрису Марью Мерцалову, Владимир узнал лишь за день до ее смерти. Он догадывался, что именно чувства к Маше побудили Северьяна выдать себя за Ванькиного папашу, но с другом об этом никогда не говорил.

«Ну, погоди, сукин сын, получишь ты у меня...» – мстительно пообещал вслух Владимир, ставя жирную точку и бросая перо на скатерть. Словно в ответ на это в дверь осторожно поскреблись. В первое мгновение Владимир подумал: Северьян, легок на помине. Потом сообразил, что тот никогда в жизни не постучался бы, входя к нему, а значит... Значит, как всегда, прав этот кобель и паршивец. Черменский вздохнул и пригласил:

– Входите, Ирэн. Отчего вы не спите?

– Не поверите, сама не знаю почему, – шепотом пожаловалась она, входя и закрывая за собой дверь. – Была уверена, что засну как суслик, просто глаза закрывались, и вот... С досады накатала статью об одном питерском приюте, который регулярно поставлял девиц в веселые дома... Завтра повезу в «Петербургские сплетни». Вышла в сени, смотрю – у вас горит свет...

– Кто вас воспитывал, Ирэн? – усмехнулся Владимир, вставая из-за стола. – Мы с вами едва знакомы...

– Что ж с того? – поинтересовалась она, приближаясь и

прямо глядя ему в лицо черными блестящими глазами. – Мы с вами взрослые люди. Я не меланхоличная девица из Смольного, не психопатка из народоволок, не экзальтированная особа в поисках друга жизни... У меня весьма и весьма здоровые нервы, сударь. Я не собираюсь вешаться вам на шею в качестве супруги... или еще кого-нибудь. Ручаюсь, что вы никогда в жизни не увидите моей истерики. И меня самой... больше чем на два-три дня. Я не намерена бросать ради вас свой Петербург, у него слишком много достоинств. Влюбляться в вас очертя голову я также не собираюсь, это было бы для меня слишком обременительно. Да и для вас, думаю, тоже. Устроят ли вас подобные условия?

– Для чего это вам, Ирэн? – помолчав, спросил Владимир. – Вы – красивая, эффектная женщина, вы пользуетесь огромным успехом у нашего свинского пола. Я ничем не могу быть вам интересен...

– Фу, Черменский, вы кокетничаете? – сморщила она короткий нос. – Право, не ожидала...

От такого нахальства у Владимира перехватило дыхание. Разом забыв, что он не в борделе и перед ним не проститутка, Черменский взял Ирэн за плечи и резко потянул на себя. Она подалась с коротким странным смешком, запрокинула голову, отбросив назад копну коротких, мелкокурчавых волос, перед глазами Владимира влажно блеснули приоткрывшиеся в улыбке зубы... Без всякой нежности он вздернул Ирэн на плечо, донес до кровати, сбросил на одеяло и уже

торопливо раздевался под ее смех, когда из-за двери тихо, но очень отчетливо донесся голос Северьяна:

– Вот и слава господу, разговелись...

Владимир успел только кинуть в дверь сапогом – и голые руки Ирэн захлестнулись на его шее.

– Так ты все же написал что-то? – сонно спросила Ирэн спустя полчаса, когда ее растрепанная голова лежала на плече Владимира, а в окно серебристым клином вползал лунный луч.

– Да... Посмотришь завтра. – Владимиру хотелось спать.

– «Завтра» уже наступило! – Ирэн выскочила из постели, стукнув босыми пятками по полу, зажгла свечу, притянула к себе брошенные на столе листки бумаги и начала читать. Владимир, борясь с дремотой, смотрел на нее из-под слипающихся век и старался не заснуть, что было бы уж совсем невоспитанно. Ирэн казалась полностью захваченной текстом и выглядела так, словно находилась среди бела дня в стенах родной редакции, а не поздней ночью в постели едва знакомого мужчины. Губы ее чуть заметно шевелились, она досадливо отбрасывала падающую на лицо вьющуюся прядь волос, иногда улыбалась, иногда хмурилась.

– Это все – правда? – наконец спросила Ирэн, отодвигая последний лист. – Это – про вас с Северьяном?

– Да... – немного удивился Владимир, который благополучно не обозначил подлинные имена героев своего очерка. – Я, правда, не успел закончить... И не все написал...

– Заканчивай и дописывай немедленно, – распорядилась Ирэн. – Обещаю, что завтра же это пойдет в набор.

– Не могу, – отрезал Владимир, закрывая глаза. – Во-первых, извини, страшно хочу спать. Во-вторых, отдать печатать *всю правду* я просто не имею права, есть вещи, которые...

– Да, верно. Это само собой, – тихо сказала Ирэн, снова влезая к нему под одеяло. – Хорошо. Давай спать.

Владимир, изумленный стремительной переменой ее настроения, не успел и слова молвить – а Ирэн уже сладко сопела, прижавшись к его плечу. Через мгновение уснул и Черменский.

Наутро они вместе уехали в Москву – пристраивать шедевр, как выразилась Ирэн. Владимир в успех сего предприятия не верил ни минуты, но сопротивляться напору «поручика Германа» было занятием бессмысленным и опасным. Ирэн познакомила Черменского с редактором «Листка», толстеньким, лысым, восторженным господином в потертом почти до неприличия сюртуке, – и исчезла по-английски, не простившись.

Северьян был даже разочарован:

– И чего это она смылась так, словно сперла что? Дмитрич! Ты ее не обижал? Ночью-то, спаси бог, не опозорился? А то б свистнул меня на помощь...

– Пошел к черту, дурак, – огрызнулся Владимир, плохо скрывая облегчение: про себя он был страшно рад тому, что Ирэн оказалась верна своим обещаниям. Ни к серьезным от-

ношениям, ни к даже короткому роману Черменский не чувствовал себя готовым и полностью обходился общением с Анисьей – молодой бабой-солдаткой редкой красоты и такой же глупости, исполнявшей в имении должность ключницы.

Успех «Шанхайского Ринальдини» оказался оглушительным. Владимир с Северьяном, впрочем, об этом не успели узнать, поскольку уехали в имение, не дожидаясь общественного резонанса. Обоих гораздо больше беспокоили Наташкины жалобы на колотье в спине, хромота племенного чалого и Ванькино ученье в приходской школе через пень-колоду. Все это никак нельзя было бросать на самотек, старик Фролыч уже не справлялся с хозяйством, и позволить себе роскошь круглый год проживать в столице Владимир не мог.

Дни в Раздольном пошли своим чередом. Давно закончились осенние работы, на деревне начали играть свадьбы, можно было отдохнуть от каторжной летней страды. Владимир занимался лошадьми, много читал, ездил изредка к соседям, настроил от скуки еще несколько очерков – о крымских босяках и иркутских сплавщиках леса – и уже подумывал о том, чтобы отправить их в Москву, когда пришла взбудораженная телеграмма из сорока двух слов от Петухова. Редактор «Московского листка» описывал небывалый успех напечатанного «Ринальдини» и настойчиво звал в столицу. Владимир понял, что отвертеться от литературной работы ему теперь вряд ли удастся. Но его решение перебраться на зиму в столицу стало окончательным, когда он узнал о том,

что из-за границы вернулась и поступила в Большой театр Софья Грешнева.

Первый раз Черменский встретился с нею перед самым Рождеством, на вечере у графини Анны в Столешниковом. Гостиная была полна гостями и «кузинами», слышался смех, звон бокалов, девичья болтовня, кто-то играл на рояле, кто-то напевал французские куплеты... а Владимир стоял столбом, как мальчишка пятнадцати лет, и в упор, напрочь забыв о приличиях, смотрел на Софью. Они не виделись всего год, но Черменский не сразу узнал ту испуганную, заплаканную, мокрую зеленоглазую девочку, вытщенную им из реки, в стройной барышне, непринужденно вошедшей в комнату. На Софье было простое, но довольно дорогое муаровое черное платье со строгим воротом, волосы уложены в высокую прическу, из которой словно случайно выбивалось несколько кудрявых прядей на шее и висках, зеленые глаза смотрели безмятежно, спокойно. К ее руке тут же выстроились в очередь мужчины. На Черменского Софья взглянула мельком, поздоровалась, сказала несколько ничего не значащих слов... И, вежливо улыбнувшись, отошла к сестре. И до самого конца вечера больше не повернулась к нему.

Ни тогда, ни позже Владимир так и не смог ничего понять. Графиня Анна, встречаясь с ним, только пожимала плечами. «Володя, видит бог, я сама теряюсь в догадках. Соня стала такой скрытной, такой вспыльчивой, никогда ни о чем не рассказывает... Уверяет, представьте, что ни одного письма

вашего не получила! И этот ужасный человек по-прежнему рядом с ней... Я до сих пор не пойму, чем он ее взял! Соня не влюблена в него ни капли, клянусь вам! Я же все-таки женщина и чувствую такие вещи! Но она выходит из себя всякий раз, когда я пытаюсь повлиять на нее... отговорить... Ведь Соня не может, в самом деле, его любить, это просто нонсенс, бессмыслица!»

В последнем Владимир с каждым днем сомневался все больше и больше. Он уже выяснил, что Софья живет в Богословском переулке, в доме, который купил ей Мартемьянов, и однажды даже нахально, на свой страх и риск, зашел туда, зная, что Федора нет в Москве. Но выглянувшая на стук Марфа сделала вид, что не узнала Черменского, и сердито объявила, что барышни нет и не будет.

Ждать ему, казалось, было больше нечего – и тем не менее Владимир остался в Москве. Они с Северьяном сняли маленькую квартиру на Остоженке. В «Московском листке» всегда находилась работа, а вечерами можно было ходить в Большой и слушать Софью, но партий ей пока предлагали мало, и заглянуть в эти зеленые глаза, которые перерезали его жизнь год назад, Черменскому удавалось лишь два-три раза в месяц. Случалось, он встречал Софью в Столешниковом, у сестры, но она, так же, как и в первый раз, вежливо здоровалась с Владимиром, улыбалась – и более не замечала его.

Иногда в квартире на Остоженке появлялась Ирэн, регу-

лярно наезжавшая из Северной столицы в Москву. Видясь с Черменским, она всякий раз искренне радовалась, задавала тысячу вопросов о Раздольном, о Северьяне, о Наташке с Ванькой, проглатывала все, написанное Владимиром за время ее отсутствия, хвалила, ругала, возмущалась тем, что он ленится, а ведь мог бы, мог бы даже недурные романы сочинять!.. Сначала Владимир терпеливо объяснял, что карьера беллетриста его не привлекает и что он занимается этим исключительно забавы ради, да и лишние деньги никому еще не мешали. Но для Ирэн, положившей жизнь на алтарь журналистики, готовой ради сокрушительной новости бегать по трущобам, воровским «малинам» и публичным домам самого низкого пошиба, сие казалось непостижимым, и вскоре Черменский устал с ней спорить. Обычно они шли в театр или французскую оперетту, затем – в ресторан, потом возвращались на Остоженку, где Кречетовская с упоением целовала его, увлекая в постель, и – на другой день спокойно, без капли грусти уезжала в свой Петербург. В конце концов Владимир понял, что ему повезло, как везет лишь одному мужчине на тысячу: он имеет превосходную любовницу безо всяких взаимных обязательств.

И вот сейчас Ирэн с хохотом висит у него на шее, болтая ногами и ничуть не смущаясь от того, что на них смотрит весь ресторан. Народу, впрочем, было уже немного: близилось утро.

– Черменский, а почему Северьян сегодня не с тобой? Ты

его отослал или он сам ушел? Давно вы болтаетесь по Москве порознь? Ты – здесь, он – на другом конце города, на разумные вопросы отвечать не желает, притворяется пьяным... Что вообще у вас происходит?! Эти номера Ковыркиной, как я знаю, довольно опасны, там крутится куча шантрапы с Хитрова, а...

– Ирэн, Ирэн, черт возьми, Ирэн, помолчи!!! – рявкнул Черменский, вызвав этим удивленный взгляд Газданова. – Ты видела Северьяна?!

– Да, а что в этом удивительного? – слегка обиженно спросила Ирэн. – Неужели ты не знаешь, где он?

– Так где этот черт гуляет, ты говоришь? – не отвечая ей, быстро переспросил Черменский.

– В номерах Ковыркиной в «Болванах», – пожала плечами Ирэн. – Там, где девочки. Представляешь, не узнал меня, паршивец!

– Неужели настолько пьян?! – поразился Владимир.

– В том-то и дело, что не настолько! И добиться от него так ничего и не смогла!

– Я еду немедленно, – поднимаясь, решительно сказал Черменский. – Иначе он, собачий сын, смоемся опять, и ищи ветра в поле.

– Черменский, а ты уверен, что стоит его держать? – медленно спросила Ирэн, опуская ладонь на рукав Владимира. – Твой Северьян – человек вольный, если он захотел уйти – какое ты имеешь право его преследовать? Ведь не встретить я

его случайно, ты бы так и не узнал, где он, верно? Возможно, Северьян совсем в этом не заинтересован.

– Не знаю... Ей-богу, не знаю, – помолчав, сквозь зубы сказал Владимир. – Просто я полагаю, что десять лет дружбы все же дают мне какие-то права... Хотя бы на то, чтобы узнать, что произошло.

– Пф! Я бы на твоём месте...

– Ты не на моём месте, Ирэн, – резко оборвал он её и обернулся к Газданову: – Сандро, прости, я вынужден идти.

– Я провожу тебя, – поспешно сказал Газданов, поднимаясь. Они поочередно приложились к руке холодно молчащей Ирэн, Черменский расплатился по счёту, и друзья вышли из ресторана под черное осеннее московское небо.

– Хочешь, я поеду с тобой? – нерешительно предложил Газданов, глядя на неровно освещенное фонарем мрачное лицо Владимира. – Я могу помочь?

– Нет, брат, тут ты мне не поможешь... – медленно, явно думая о другом, ответил Черменский. – Спасибо, но езжай-ка ты лучше спать, скоро утро. Где ты теперь живешь?

– На Дмитровке, в доме Шишкина.

– Даю слово, что мы еще встретимся. – Черменский оглянулся в поисках извозчика, и тут же от тротуара напротив отделилась пролетка. Ожидая, пока она подкатит ближе, Владимир, не поднимая глаз на друга, произнес:

– Если ты намерен предпринять какие-то шаги в отношении графини Грешневой... Впрочем, разберешься сам.

– Нет, Черменский, продолжай! – почти взмолился Газданов. – Я весь вечер хотел тебя просить о совете, но... твоя знакомая...

– Да уж... Ирэн – это всегда ураган... То есть ты все-таки собираешься ухаживать? Тогда, если тебе нужен мой совет, прежде всего забудь все, что о графине говорят в Москве.

– Ты хочешь сказать... – растерянно начал Газданов.

– Я хочу сказать, что Анна Грешнева во сто крат лучше своей репутации. И если тебе нужна просто блестящая любовница, которой лестно похвастаться перед приятелями... я бы тебе рекомендовал искать ее в другом месте. Эта женщина достойна лучшего. Для того чтобы стать ее официальным покровителем, у тебя, я думаю, не хватит средств, ты еще все-таки не министр. Жениться ты вряд ли рискнешь, а...

– Знаешь что, Черменский, оставь этот тон! – вдруг взвился Газданов. В его речи послышался явный акцент, что говорило о сильном волнении, и Владимир удивленно посмотрел на него. Затем улыбнулся и протянул руку:

– Ну, не горячись, витязь Тариэль... прости. Ей-богу, я не хотел тебя обидеть. Говорю это всё лишь потому, что отношусь к графине Грешневой с глубочайшим уважением... и поверь мне, она его заслуживает. Если вы с ней станете друзьями, ты поймешь, что я имею в виду. А сейчас, извини – мне в самом деле пора. До встречи.

Еще сердитый, Газданов тем не менее пожал протянутую

руку, буркнул: «Оревуар...», но Черменский примиряюще ткнул его кулаком в плечо, и полковник против воли улыбнулся. Подъехал извозчик, Владимир ловко вскочил в пролетку, и та покатила по пустой темной улице.

На Таганке фонарей не горело совсем. Эта дальняя окраина Москвы считалась местом нехорошим, по ночам здесь пустели улицы, крепко запирались ворота и калитки, захлопывались пудовые ставни и спускались с цепи злющие кобели: купечество оборонялось от вора. На грязных, узких улочках, ведущих к заставе, всю ночь были открыты кабаки и притоны, слышалось пьяное пение, хохот девок, звон бьющихся бутылок и площадная брань. Как раз в это место и направлялся Черменский. С Гончарной улицы он шел пешком: извозчик, благообразный сухой старичок, напрочь отказался ехать в «Болваны» и отговаривал от столь опасного путешествия и седока, но Владимир, не слушая, расплатился и быстро зашагал вниз по темной, без единого огня улице.

Номера Ковыркиной в Болванах он знал еще со времен своих странствий по России: под видом сдачи комнат с мебелью здесь существовал банальнейший притон с веселыми девицами, скупкой краденого и продажей самопальной водки. Еще несколько лет назад Владимиру и Северьяну доводилось проводить тут вечера, и сейчас, идя по Верхней Болвановке, Черменский недоумевал, как же он сам не сообразил заглянуть сюда в поисках друга. Номера уже светились перед ним тусклым желтым светом крохотных окон; шум и

гам, сопровождавшиеся яростной руганью, рычанием и женским визгом, судя по всему, доносились как раз оттуда. Когда оконное стекло со звоном брызнуло осколками и на улицу вылетела пустая бутылка, Владимир прибавил шаг. До разбитых, едва видных в темноте, залитых помоями и нечистотами ступенек оставалось совсем немного, когда разбухшая от сырости дверь распахнулась и прямо на Черменского с воем вылетела встрепанная девица, зажимающая ладонями лицо.

– Ай, спасите-е-е, поможи-и-ите за ради бога, что за... – Проститутка ударилась в грудь Черменского, он машинально сжал жесткие, костлявые плечи девицы и поставил ее на ноги. Та подняла разбитое лицо, деловито мазнула по нему кулаком, стирая кровь, сощурилась и без всякого удивления спросила:

– Ой, никак Владимир Дмитрич? А что ж так поздно-то?

– Голда? – узнал и он. – А ты почему здесь? Ты же, кажется, на Грачевке прежде обреталась?

– Годы уж не те для Грачевки-то... – фыркнула Голда.

Свет из окна упал на ее худое, изможденное лицо с монументальным носом и большими, блестящими, неожиданно красивыми глазами. Спутанные волосы еврейки курчавым нимбом стояли вокруг головы, проститутка кокетливо пригладила их ладонями и оглушительно высморкалась в пальцы.

– А что ж вы стоите? – аккуратно вытирая пальцы о по-

дол, поинтересовалась она. – Я и то подивилась, отчего вас до сих пор нету, допреж вы с Северьяном вроде порознь не шманались.

– Это он там так... гуляет? – кивнул Черменский на дверь, из-за которой доносились явственные звуки большой драки.

– Да уж какой день, – пожал плечами Голда. – Тока чичас он не гуляет, а фартовых раскидывает, с коими Таньку Капусту не поделил. И все бы ничего, тока их-то восемь, да еще и подмога с верхнего этажу скатилась, вот и слава богу, что вы вовремя...

Дальше Черменский слушать не стал и, отстранив Голду, дернул на себя тяжелую дверь.

В большой грязной комнате было сумрачно, кое-как горела лишь керосинка под потолком, но даже в ее тусклом свете Владимир сразу увидел Северьяна. Тот стоял посреди комнаты в боевой стойке, угрожающе наклонившись вперед, в разодранной, залитой кровью рубахе, рыча сквозь оскаленные зубы, как бешеный кобель, сжимая в одной руке нож, а в другой – горлышко разбитой бутылки. Его раскосые глаза светились волчьим зеленым огнем. Вокруг в таких же позах стояли, извергая головокружительную ругань, шесть или семь оборванцев. То и дело кто-то из них предпринимал решительный наскок, но нож или бутылочное горлышко с коротким свистом рассекали воздух, и «фартовый», матерясь еще виртуознее, отпрыгивал в прежнюю позицию. Несколько человек уже неподвижно лежали в разных углах помеще-

ния. Владимир ничуть этому не удивился: драка с пятеркой противников была для Северьяна только «разогревом». У стены, за перевернутым столом, стояла на коленях и визжала как поросенок растрепанная девица в порванном от лифа до колен платье, с которой, вероятно, все и началось.

– Северьян! – крикнул Черменский с лестницы.

Дравшиеся обернулись. Северьян тут же воспользовался этим – и трое фартовых грохнулись как подкошенные на заплыванный скользкий пол. Владимир бросил в сторону девицы свое пальто, и так изрядно пострадавшее сегодня, и кинулся на выручку другу. Через мгновение они с Северьяном уже стояли спина к спине, и комната потонула в грохоте и воплях.

Все закончилось быстро: вдвоем им ничего не стоило разметать целый взвод противников. Владимир отделался ссадиной на скуле и расплосованной ножом – к счастью, поверхностно – левой рукой. У Северьяна все лицо было залито кровью из раны надо лбом, но в объяснение сего факта тут же последовала сентенция:

– Из башки оно завсегда сильнее льется, ничего страшного, ерунда... Тикаем, Дмитрич, тут еще наверху дрыхнут, вдруг проснутся?

Они вылетели в открытую дверь. По дороге Северьян успел схватить за руку растрепанную девицу, и та засеменила следом.

– Пальтишко примите, господин, – пропищала она, ока-

завшись на улице. – Вот, не замызгалось!

– Надевай, – велел Владимир, глядя на Северьяна, рубашка которого превратилась в грязные изодранные ленты, клочьями свисающие с плеч.

Тот молча натянул пальто, посмотрел на рукав.

– Где тебя носило, Дмитрич?

– Совести хватает спрашивать?! – вспыхнул Черменский. – Это тебя где носило, сукин сын?!

Северьян не ответил, наклонившись и с огромным старанием начав отчищать левый сапог от грязи рукавом пальто. Поняв, что добиваться от друга объяснений сейчас бесполезно, Владимир повернулся к проститутке, которая, матерясь плачущим голосом, пыталась приладить на место полуоторванный кусок лифа.

– От ведь ироды, собачьи дети, христопродавцы, чтоб им на кусту свои... оставить на веки вечные, да куда ж я теперича в таком виде? Рази порядочная девушка так-то по улице гуляет?

– Далеко живешь? – спросил ее Владимир.

– Недалече, здесь, в Размотне.

– Пошли к тебе, нам тоже в таком виде по Москве ходить нельзя. – Порывшись в кармане, Черменский протянул девице рубль, и та округлила глаза:

– Пошто такими деньжищами бросаетесь-то, красавчик? Мы здесь девушки не гордые, двоегривенный – красная цена... А что платье порвали, так то не Северьян, а Ванька Пря-

ник, уж такая, прости господи, паскуда... Уж и дал бы в глаз, коли ему чем не угодили, а пошто же одежду дорогую портить-то?.. За платье пять рублей плочено, а теперя хоть на ветошь его порви...

– Завернись, лахудра, куплю я тебе платье, – хрипло проговорил Северьян, оставив наконец в покое сапог и выпрямившись. – Идем.

«Размотней» именовались переулки за Таганкой, возле староверческого кладбища, традиционно заселенные проститутками и их «котами». Танька провела своих кавалеров через узкие грязные задворки, юркнула между сараями, миновала скособоченную поленницу, открыла калитку, вошла в низкую дверь и объявила:

– Проходите по одному, узко. Я счас лампу запалю, керосин есть.

Вскоре оранжевый свет керосинки запрыгал по бревенчатым стенам, кое-где обклеенным желтыми грязными обоями, журнальными картинками и лубочными портретами царей и офицеров. У Таньки оказалось довольно чисто, пол был выскоблен и аккуратно застелен деревенским половиком, на подоконнике топорщилась обсыпанная малиновыми цветами герань, стол покрывала скатерть, сделанная из отслужившей свое шали. На деревянной кровати лежало одеяло, сплетенное из любовно подобранных красных и синих лоскутков, а под иконой Богородицы мигала зеленая лампадка. Владимир, войдя, даже усмехнулся:

– Просто «Астория»...

– Не дражнитесь, – полусердито отозвалась Танька, грохоча дровами возле печурки. – Счас затопим, погреемся, я сегодня гулять уж не пойду: видно, день такой, беспочинный... Вы садитесь на кровать или стулик берите, я только за водой отлучусь. Северьян, затопил бы пока, непутёвый, а?

– Сделаю, – отозвался тот, присаживаясь возле печи и ловко запихивая в открытую дверцу березовые чурки. Растопка, как и все, за что брался Северьян, была произведена быстро и умело: вскоре дрова в печи уже пылали, по маленькой комнатенке пошло приятное тепло. Северьян открыл выюшку, подвигал в печи кочергой и, закрыв глаза, сел на пол. Кровь из раны у него уже унялась, на лбу осталось несколько подсохших коричневых дорожек, и Владимир бросил другу мокрую тряпку:

– Утрись.

Северьян послушался молча, не открывая глаз.

– Мы поедем домой? – подождав с минуту, спросил Владимир. Северьян молчал. – Ты мне ничего не скажешь?

Снова молчание. Черменский ждал, но скуластое лицо Северьяна с закрытыми глазами было неподвижно.

– Ну и черт тогда с тобой, – отрывисто бросил Владимир, поднимаясь. Только сейчас он почувствовал страшную усталость после целого дня, проведенного на ногах, и бессонной, не давшей отдыха ночи. Уже не хотелось ни ругаться с Северьяном, ни спрашивать его, ни уговаривать. Оставалось

только одно желание: как можно быстрее оказаться в своей квартире, свалиться на кровать и заснуть.

– Черт с тобой. Не за хвост же мне тебя держать. Решил уходить – скатертью дорога. Только мог бы про Ваньку подумать. У него второй месяц глаза на мокром месте, меня замучил: куда родитель делся, да вернется ли, да почему ушел. Ты хоть скажи, что я ему теперь врать про тебя должен.

Северьян опустил голову, но по-прежнему не произнес ни слова. Черменский, не глядя на него, пошел к двери – и остановился на пороге, услышав тихий, хриплый голос:

– Да пожди ты, Дмитрич...

Владимир сразу же вернулся. Сел на пол возле печи, достал папиросы, одну взял себе, другую протянул Северьяну. Через минуту оба молча, сосредоточенно дымили. Из сеней заглянула Танька, внимательно посмотрела на мужчин, отступила назад и бесшумно прикрыла за собой дверь.

– Ты как меня нашел-то?

– Сам не знаю. Просто повезло, – честно ответил Владимир. – Я сначала в Смоленске искал, думал – ты там опять загулял. Нет, говорят, нету. Уж наудачу поехал в Москву, сегодня целый день проходил по всем твоим местам – мне хором рапортуют, что даже и не появлялся. И вот уже ночью встречаю у Осетрова Ирэн...

– Так и знал, что выложит, чертова кукла... – проворчал Северьян. – Уж занималась бы жульем своим питерским – так нет, и в Москве каждой бочке затычка...

– Ты вроде бы не брал с нее слова молчать.

– Толку-то – с бабы слово брать...

– Что тебе за шлея под хвост попала, объяснишь ты мне или нет?! – взорвался Черменский. – Коли что не так – мог бы и сказать! Не чужие ведь!

Северьян лишь усмехнулся – невесело, глядя в пол.

– Натворил, что ли, чего?

Ответа снова не последовало, и Владимир с досадой сплюнул:

– Тьфу... Ну что ж я тебя, как бабу, уговариваю?! Сукин ты сын! Ведь я, право, за два месяца голову сломал, гадая, что с тобой стряслось! Северьян, черт возьми! Я ведь тебе помочь мог бы, если что, первый раз нам с тобой разве?..

– Не поможешь, Владимир Дмитрич, – спокойно возразил Северьян, все так же глядя в сторону. Помолчав, неожиданно спросил:

– Что там Наташка-то? Здорова? У Махи золотуха прошла?

– Слава богу, – машинально ответил Владимир. – Золотуху бабка Устинья вывела еще в октябре, божится, что навсегда. Только Наталья плачет все это время и не говорит отчего... – Черменский вдруг умолк, резко повернувшись и в упор уставившись на Северьяна.

Тот, казалось, обратился в неподвижную раскосую статую восточного идола.

– Слушай, ты что, рехнулся? – наконец вполголоса спро-

сил Черменский. – Тебе баб в Раздольном не хватает?! И так ведь ни одной не пропустил! На что тебе эта девчонка понадобилась, она же еще дитя! Мало ей без тебя несчастья было?!

– Дитя... – не поднимая глаз, процедил сквозь зубы Северьян. – Семнадцать годов девке, а ты все «дитя»... Дочери у ней уж третий год – «дитя»! Ты глаза бы разул, Дмитрич, и поглядел, во что наша с тобой пигалица рыжая обернулась!

– Да, смотрю, у тебя-то уж они разулись! – съязвил Черменский, лихорадочно соображая: как он мог все это время ничего не замечать. Действительно, Наташка, которую он три года назад взял в дом «в довесок» к сыну Маши Мерцаловой, по-прежнему оставалась в его глазах той четырнадцатилетней грязной, растрепанной, замученной непосильным трудом девчушкой, какой он ее когда-то увидел в доме питерского портного. Очутившись в Раздольном, где никто не навесил на нее, беременную, тяжелой работы, где была хорошая еда и сколько угодно спокойного сна, Наташка сначала не верила своему счастью и то кидалась целовать руки Владимиру или Северьяну – к страшному смущению обоих, – то захлеб рыдала, то истово молилась перед иконами, то суматошно хваталась за все дела подряд, боясь, что, если она будет сидеть сложа руки, новые господа выгонят ее прочь, то вдруг напрочь переставала есть, уверенная, что если она примется «все заглатывать, как щука», то опять же окажется на улице. Даже многое на свете перевидавший Северьян

долго не мог, не перекрестившись, вспоминать тот день, когда девчонка провыла дурниной три часа кряду, нечаянно разбив на кухне чашку. Наташка умолкла лишь тогда, когда Северьян, не зная, как привести ее в чувство, грохнул об пол половину китайского сервиза из приданого матери Владимира. Только десятилетний Ванька как-то умел уговаривать подружку, и в дальнейшем, если ее слезы принимали истерический характер, Владимир сразу посылал за мальчишкой на конюшню.

Постепенно, впрочем, все наладилось. Наташка окончательно уверилась в том, что из Раздольного ее не прогонят, перестала прятаться по углам, боясь невовремя попасться на глаза «господам», к коим причисляла и Северьяна, и старого управляющего Фролыча, вертелась на кухне, помогая кухарке, босиком, не обращая внимания на растущий живот, носилась по двору то с дровами, то с ведрами воды, то с лоханями стираного белья. Она пыталась даже прислуживать за столом, но Владимир, давно привыкший обходиться без этого, быстро отучил ее. Весной родилась Машка, Маха – рыжая голосистая девчонка, здоровая и сильная, с неожиданно черными глазами. Наташка, сама голубоглазая, клялась, что у Махиного папаши «отродясь на личности этаких угольев не наблюдалось», и уверяла всех, что глаза эти появились на веснушчатой рожице малышки лишь оттого, что Маху принимала случайно забредшая на двор цыганка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.